

84(3)
B38

Анне-Кат.
Вестли

ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ЩЕПКИНА

Анне-Кат.
Вестли

ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ЩЕПКИНА

Повесть

Перевод с норвежского *Ольги Дробот*

Художник *Вадим Челак*

Москва
«Махаон»

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)
В38

Anne-Cath.Vestly
KNERTEN GIFTER SEG

Вестли А.-К.

В38 Опасное путешествие Щепкина : повесть / Анне-Кат. Вестли ; [перевод с норв. О. Дробот] ; ил. В. Челака. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2020. – 160 с. : ил.

ISBN 978-5-389-16765-0

Малышу, которого на самом деле зовут Андреас, скоро исполнится пять лет. Он вместе с мамой, папой и братом уже год живёт в новом доме у дороги. Мама по-прежнему работает продавщицей в магазине, чтобы помочь папе выплатить кредит за дом. И Малыш каждый день ездит с мамой на работу. А пока она занята делами, он со своим лучшим другом Щепкиным играет на улице. И вот однажды они придумали игру, в которой Щепкин понарошку стал водителем грузовика. И надо же было такому случиться – Щепкин и в самом деле уехал на грузовике. И путешествие его оказалось довольно опасным...

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-16765-0

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 2010 [All rights reserved.]
© Дробот О. Д., перевод на русский язык, 2020
© Челак В. Г., иллюстрации, 2020
© Оформление. Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
Machaon®

ПРОПАЛ ШКОЛЬНИК ДВУХСОТ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ ОТ РОДУ

Маленький мальчик стоял на дороге перед домом и ждал автобус. Как ни странно, он стоял один, без мамы или старшего брата. Впрочем, ничего странного, ведь был понедельник. А почему маленький мальчик в понедельник должен ехать на автобусе один, без старших, спросите вы?

Да потому, что у него с собой был трёхколёсный велосипед. В обычные дни мальчик ездил везде у мамы на багажнике, но по понедельникам добирался на автобусе: его трёхколёсный друг не помещался вместе с ним к маме на багажник.

Мальчик — Малыш, то есть на самом деле он Андреас, но так его никто не зовёт, все говорят «Малыш». У него есть старший брат Филипп, а мама работает продавщицей в магазине в Гампетрефе. Она уже целый год продавщица и должна бы уйти с работы — она устроилась туда, чтобы на первых порах помочь папе расплачиваться за их новый дом, но теперь ей захотелось купить и того и сего, и она попросила Малыша отпустить её поработать ещё годик. А Малыш ответил: «Хорошо, если разрешишь мне брать с собой велосипед».

Красный трёхколёсный велосипед подарил ему хозяин магазина в Гампетрефе и сразу сказал, что надеется увидеть, как Малыш катается на площадке перед магазином. И что, если ему, хозяину, надо будет привезти товар со склада, они погрузят его на велосипед Малыша.

Так что Малышу надо было попасть в Гампетреф вместе со своим велосипедом. Поэтому каждый понедельник он самостоятельно ехал на автобусе и в субботу днём также сам привозил велосипед назад, чтобы кататься на нём дома полдня в субботу и всё воскресенье. В остальные дни Малыша забирал из магазина Филипп, а велосипед оставался ночевать под замком в дровяном сарае, хотя дома его ждал отличный, для него построенный гараж. Но таков был уговор.

Если бы Малыш не согласился ездить с мамой каждый день в магазин, она не могла бы работать и помогать папе и он бы очень переживал.

Папа огорчается, что на дом никаких денег не хватает, и работает на износ. Он не вылезает из командировок, ездит повсюду на своём сером грузовичке, забитом пальто и платьями, и уговаривает магазины купить их. Папа проводит времени в одиночестве больше всех.

У Малыша-то ведь есть Щепкин — кусочек соснового корня, очень похожий на человечка, они с Малышом знакомы уже год. Иногда Малыш разрешает ему держать билет, и Щепкин очень этим гордится. Но бывает, вдруг обижается, потому что считает, что ему положен отдельный билет.

— Почему ты говоришь «один детский»? — ворчит он. — «Один детский и один щепкинский» — вот как надо.

— Знаешь, как это дорого получится? — спрашивает Малыш. — Тебе сколько лет?

— Сто наверняка, — отвечает Щепкин.

— А столяр говорит, что ты, скорей всего, от старой сосны, ей вообще лет двести. Если я так скажу водителю, тебя заставят покупать взрослый билет. А это знаешь сколько стоит?

— Думаю, за меня возьмут как за двоих взрослых, если не больше. Но тебе что, трудно притвориться, как будто бы ты просишь мне билет?

— Хорошо, — согласился Малыш и в следующий раз сказал: — «Один детский до магазина», — а потом добавил еле слышным шёпотом: — «И один щепкинский».

Но Щепкин расслышал его слова и страшно обрадовался. К тому же Малыш схитрил и в прошлый раз билет не выкинул, а теперь отдал Щепкину. И они сидели каждый со своим билетом, Щепкина распирало от гордости, и он не отрывал глаз от билета.

— Ужас как подорожал автобус, — сказал он.

— Да, — согласился Малыш, — зато он очень красивый. Когда я вырасту, я, наверно, стану водителем автобуса. Тогда сможешь ездить со мной хоть целый день.

— Чур, я буду продавать билеты и кричать «поехали!», когда кому-то надо выйти.

— Нет, — поправил Малыш, — для остановки кричат «тормози!», а потом уже «поехали!».

— Я так и сказал, — ответил Щепкин.

— Магазин, — объявил водитель и спустил на землю велосипед Малыша.

— Ты болтаешь без умолку, мы чуть не проехали из-за тебя, — проворчал Малыш.

— Эй, меня не забудь! — крикнул Щепкин, по-прежнему цепко держа билет.

Малыш подхватил его с сиденья и быстренько выпрыгнул из автобуса.

— Хорошего дня, Малыш, — сказал водитель.

— И тебе хорошего, — ответил Малыш. — И автобус береги, — добавил он рачительно: автобус-то должен в порядке дожидаться, пока он подрастёт.

Мама стояла в дверях магазина и махала ему. Она уехала из дому гораздо раньше, потому что на велосипеде на дорогу уходит больше времени.

Малыш сел на свой трёхколёсник и поехал к магазину. Описал красивый вираж и остановился у дверей.

— Не надо ли вам что-нибудь отвезти? — спросил он.

— Очень надо, — ответил хозяин магазина. — У меня скопилось много коробок, перевези их на дровяной склад, пожалуйста. Работы тебе часа на два будет.

— Отлично, — ответил Малыш, — сразу и начну.

А сам смекнул, что если возить по одной коробке зараз, то работы хватит ещё на дольше. Он успел сделать много ездов, когда увидел двух девочек, которых побаивался Щепкин. Они как-то изменились. Сперва Малыш даже не понял, в чём дело, но потом смекнул, что у них ранцы на спине. Вот почему они обе так переменились.

— А мы в школу идём, — сказала одна.

— Мы теперь школьницы, — подхватила вторая. — А ты не пошёл учиться? Ну да, ты же ещё маленький. Нам столько уроков задают! Сейчас мы тоже торопимся, уроки начинаются через час, а мы хотим ещё поиграть на школьном дворе. Это так здорово!

— Некогда мне в школу ходить, — ответил Малыш, — я работаю.

— Да. К тому же ты ещё и маленький. Ладно, пока, мы пошли, а то опоздаем.

Малыш посмотрел им вслед и поехал к сараю. Э-эх, всего одна коробка осталась! Чем бы таким потом заняться?

— Вот подумай, я ни разу в школе не был, хотя мне двести лет уже, — сказал Щепкин.

— Об этом я уже думал, — ответил Малыш.

Он отвёз последнюю коробку и долго не выходил из сарая. Он думал. Смотрел и думал. А потом вдруг бросил Щепкина среди коробок и рванул в магазин. Взял там толстую бечёвку и прибежал обратно. Но к тому времени Щепкин уже смертельно на него обиделся и не желал ни смотреть в его сторону, ни разговаривать с ним.

Но Малыш и бровью не повёл, он знал, что Щепкин обрадуется, когда узнает о его блестящей идее.

Малыш взял большую коробку и махонькую. Потом проделал в каждой по четыре дырки. Щепкин с любопытством следил за ним, но по-прежнему молчал, желая проучить этого бессовестного, который бросил его одного в сарае. Щепкин не хотел делать вид, будто ничего не случилось, и так вот сразу начинать весело ворковать с Малышом.

Малыш с трудом пропихнул верёвку в дырки. Ну всё, дело сделано.

— Щепкин, понял, что это будет? — спросил он.

— Не понял, — буркнул Щепкин, — не очень-то и хотелось. Давай-давай, убегай опять, а я буду тут валяться, как простая деревяшка. Придёт кто-нибудь за дровами для топки, подхватит меня, самого тут привлекательного, и всё, не будет у тебя Щепкина.

— Слушай, не нуди, — ответил Малыш. — Нет, не так. Хватит зудеть, мартышка — вот как мне

Филипп говорит. Слышишь, Щепкин? Хватит зудеть! Отвечай лучше, кто ты теперь такой?

— Я — это я, — снова буркнул Щепкин.

— А вот и нет. Ты теперь школьник, а это твой ранец.

Он надел коробочку Щепкину на спину, просунув руки в верёвку, и теперь его друг выглядел точь-в-точь как школьник. Потом Малыш надел большую коробку себе на спину — она как раз отлично поместилась — и сказал:

— Бежим, а то опоздаем. Школа у нас понарошку будет за складом, там получается как будто много классов, а мешок картошки будет учителем.

— Не знаю, мне пока не хочется, — стал упираться Щепкин.

— Ещё как хочется! — сказал Малыш. — Пошли! Не забудь входя поздороваться с учителем.

— Сам здоровайся. Я просто иду с тобой за компанию.

Малыш за руку довёл Щепкина до склада, а там встал перед мешком картошки и сказал:

— Здравствуйте, учитель. Я привёл новенького.

«Учитель» страшно обрадовался и спросил, сколько Щепкину лет.

— Двести с половиной, — ответил Малыш, — но в школу он никогда не ходил. А мне самому скоро пять.

— Проходите оба, очень рад, — сказал мешок картошки. — Сегодня мы будем учить букву «М».

Малыш выучил её с Филиппом, но не стал пока об этом говорить.

— Эм, — сказал Малыш.

— Мэ, — сказал Щепкин.

— Неверно, — поправил мешок картошки, — эм.

— Мэ, — рассердился Щепкин, — и чтоб я не слышал никаких «эм».

— Спокойно, дружок, — сказал мешок картошки, — у нас здесь так не разговаривают. Сейчас перемена, а потом вы свободны до конца дня.

— Хорошо, — кивнул Щепкин. — Мэ, мэ, мэ, — затараторил он вдруг, потому что ему очень понравилось произносить такую букву.

— Эм, — подсказал Малыш. — Ещё завтра потренируемся.

— Вот здорово! — согласился Щепкин.

Они вернулись в сарай, сняли свои ранцы, и Малыш сказал:

— Чем бы нам ещё заняться? До завтрака далеко.

— Пойдём сходим к заправке, — предложил Щепкин. — Вдруг кто-то заехал заправиться?

— Хм, — ответил Малыш, — может быть.

Они пошли к заправке. Там никого не было, но они не огорчились, просто смотреть на колонку тоже было интересно.

— Вот бы нам такую дома завести, — сказал Малыш. — Тогда бы к нам все машины заезжали.

— И красный автобус тоже, — мечтательно добавил Щепкин. — Я бы спрашивал его: «Что вам сегодня?» — и заливал бы полный автобус бензина.

Тут вдруг огромный грузовик свернул с дороги и поехал прямо к заправке. Малыш с Щепкиным спрятались позади колонки.

— Он едет заправляться, — сказал Малыш, — нам повезло.

Грузовик остановился и прогудел три раза. Из магазина вышел хозяин, поздоровался с водителем и, перекинувшись словечком, начал наливать бензин.

— Давай как будто это твой грузовик, — сказал Малыш и посадил Щепкина в кузов. — Говори, сколько тебе бензина?

— Хорошо, — согласился страшно гордый Щепкин. Глядя на него, нельзя было даже подумать, что грузовик не его. — Так, мне, пожалуйста, сто тысяч миллионов литров и ещё девятнадцать с половиной.

— Хорошо, — сказал Малыш, подошёл к колонке и сделал вид, как будто вставляет в бак пистолет и заливает бензин. — Вы сегодня далеко едете? — спросил он Щепкина.

— Да, ужасно далеко, — ответил Щепкин, — мне надо море бензина. И хорошо бы вы смазали мне колёса, и руль, и стёкла, и фары тоже.

— Будет сделано, — кивнул Малыш. — Предлагаю ещё помыть вашу машину, она очень грязная.

— Ничуть она не грязная, — обиделся Щепкин за свой грузовик. — Ладно, мойте!

Малыш понарошку помыл грузовик со всех сторон и отполировал тряпкой все грязные места,

а потом пошёл за колонку, чтобы выписать счёт. Он стоял и долго-долго считал, сколько с Щепкина причитается.

— Ой, получилось очень много и пятьдесят крон, — сказал он наконец. — Сейчас выпишу чек.

Мотора грузовик не выключил, он фырчал, а Щепкин как будто бы рулил. Но вдруг Малыш увидел, что грузовик тронулся.

— Стоп! — закричал он. — Щепкин, не уезжай!

Грузовик удалялся, Щепкин одеревенело сидел в кузове, Малыш кричал и прыгал и даже побежал за машиной, но грузовик так гроыхал, что шофёр ничего не слышал. Он знай себе поддавал газу: он заправился, расплатился и думать не думал, что увозит в кузове Щепкина.

— Ты чего это? — удивлённо спросил хозяин магазина; он только что повесил заправочный пистолет на место и собирался вернуться в магазин.

— Щепкин... — прошептал Малыш. — Он уехал на грузовике.

— Что ты такое говоришь? — удивился хозяин. — Этот шофёр точно не трогал Щепкина. Он вообще не выходил из кабины, пока я заправлял машину.

— Да, — сказал Малыш, — он не знает, что у него в кузове Щепкин. Я сам его туда посадил. Мы играли, как будто это его грузовик.

— Это хуже, — ответил хозяин. — Тогда мы вряд ли увидим Щепкина снова.

Но, едва сказав эти слова, хозяин по лицу Малыша, сморщившемуся как у несчастного младенца, понял, что ничего хуже он произнести не мог.

— Так как же нам быть? — продолжал хозяин. — Шофёр говорил, что собирается в дальнюю деревню, в Северянку, значит, он поедет на север мимо магазина Ларсона. Угу, до него не так быстро доберёшься. Пойду-ка я позвоню Ларсону, попрошу его перехватить грузовик. Ничего другого нам всё равно не остаётся.

Малыш не отставал от хозяина ни на шаг и, хотя мама сделала круглые глаза, зашёл с хозяином в контору и стоял рядом, пока тот звонил.

— Ларсон, привет! — начал хозяин. — Слушай, выручи, у меня тут непростое дело. Смотри, сейчас у нас четверть первого, значит, часа в четыре мимо тебя проедет тёмно-зелёный грузовик, останови его, пожалуйста. Что? Нет-нет, полиция за ним не гонится. Не знаю, как объяснить. Короче, сзади в кузове едет Щепкин. Нет, это не мальчик. Это маленький деревянный человечек. Нет, я хорошо соображаю, но этот человечек — лучший друг Малыша, который стоит тут рядом со мной. На, поговори с ним сам.

Малыш взял трубку и сказал:

— Здравствуйте. Щепкин сидит в кузове, потому что мы играли, как будто грузовик его. А потом он вдруг поехал, и Щепкин теперь там совсем один. Шофёр о нём не знает. Не могли же мы ему сказать, что играем, как будто грузовик не его.

Хозяин снова взял трубку и добавил:

— Теперь понимаешь? Да, надежда небольшая, но единственная. Мне неловко обременять тебя, но для Малыша это большое горе. Я буду твоим должником. Да, он точно ехал в твою сторону. Нет, не уверен, сейчас на дороге столько машин. Но думаю, что примерно часа в четыре или в пять. Как раз он захочет где-то кофе попить. Да, подождём и посмотрим. Спасибо большое! — Хозяин положил трубку и взглянул на Малыша: — Знаешь, с тобой я то и дело делаю странные вещи. Ну да ладно. Боюсь, раньше завтрашнего дня мы ничего не узнаем, грузовик доедет до Ларсона, когда магазин уже закроется.

— Ой, — сказал Малыш, — спасибо!

Он снова вышел из магазина. Он стоял и вспоминал, как выглядел Щепкин, когда уезжал на грузовике. Вид у него был почти торжественный, он не шевелился, сидел прямо и так и скрылся из глаз. Теперь уж он далеко. Если только не выпал... Нет, Малыш сам усадил его надёжно, так что этого он не боялся.

ОБУВНАЯ КОРОБКА

Большой грузовик тронулся в путь. Шофёр не догадывался, что везёт попутчика, и спокойно ехал, думая только о кружке горячего кофе, а Щепкин сидел в кузове и прилежно рулил. «Не слишком ли быстро

я еду? — забеспокоился он было, но сам себя и успокоил: — Не беда, сейчас прибежит Малыш и заберёт меня».

Щепкин твёрдо на это надеялся. И невдомёк ему было, что Малыш теперь страшно далеко и не сможет прийти ему на выручку.

Зато Малыша эта мысль подкосила. Он так и сел на землю.

— Что это ты сидишь не играешь? — спросил вдруг голос у него над ухом.

Он поднял глаза — те две девочки. «Убегаем, — подумал он в первую секунду, — а то Щепкин их боится», но потом сообразил, что друга нет, а сам он уже перебоился и может остаться.

— Мы ходили в школу, — сказала одна из девочек. — Представляешь, у нас был целый урок. А потом будет и по два урока каждый день. Так-то. Показать вам с Щепкиным наши учебники?

— Щепкин пропал, — вздохнул Малыш.

— Пропал? — удивилась вторая девочка. — Как пропал?

— Он уехал, — сказал Малыш.

— А почему он от тебя уехал? — спросила первая.

— Да не от меня, — ответил Малыш и рассказал всё по порядку.

И тогда девочки повели себя странно: они сели рядом с ним и заплакали:

— Ой, беда, беда... Ой, бедняжка Щепкин... сидит там в кузове, такой маленький, деревянненький, совсем один, ничегошеньки не понимает...

Малыш даже опешил. Он сроду такого не видал. Сам он хоть и расстроен ужас как, но он же не рыдает в три ручья, не то что эти *школьницы*.

— Хозяин магазина звонил хозяину другого магазина, — объяснил он, — и если другой хозяин не прозеваает грузовик, то Щепкин вернётся.

— Уф, — сказали девочки, — только б он не зевнул не вовремя! Да нет, наверняка он справится, а если прозеваает, надо будет писать в газеты и выступать по радио: друг разыскивает Щепкина, последний раз его видели в кузове грузовика, за помощь в поисках — вознаграждение.

— Вознаграждение — это что? — спросил Малыш.

— Это значит, что ты дашь денег за находку Щепкина.

— А-а... У меня не очень много, но я, наверно, могу попросить займы у Филиппа.

— Анна! — вдруг крикнул кто-то.

— За мной мама пришла, — сказала одна из девочек, — обедать пора. Малыш, я уверена, всё будет хорошо. Буду держать за вас кулаки — за тебя и за Щепкина.

— Правда? — только и сказал Малыш.

А потом ещё долго сидел один, он был до того потрясён, что уже почти не успевал огорчаться. Надо же, девочки до слёз расстроились, что пропал его друг Щепкин. Вот если он найдётся, Малыш ему расскажет. Можно себе представить, какое Щепкин сделает лицо...

В дверях показалась мама.

— Перекус, — сказала она и подмигнула.

Малыш пошёл в магазин, в контору хозяина, и они с мамой перекусили, но еда сегодня казалось безвкусной. Малыш не отрывал глаз от телефона — вдруг зазвонит.

— Ещё рано, — сказала мама, — пойди покатайся, пока Филипп не приедет.

Малыш пошёл в сарай и выкатил велосипед, но кататься было тоскливо. Велосипед был у них с Щепкиным один на двоих, и Малыш привык, что друг всегда сидит сзади и разговаривает, а сейчас он трясётся в чужой машине и наверняка помалкивает.

— Постой тут до завтра, — сказал Малыш велосипеду, ставя его на место, — а завтра, может, мы с Щепкиным за тобой придём.

Хорошо ещё, Филипп в тот день рано вернулся из школы. Малыш взял у мамы пакет с едой на обед, уселся в детское сиденье на большущем велосипеде старшего брата, и тот ловко и уверенно отвёз его домой. Но ждать дома оказалось ничуть не лучше. Филиппу задали такие трудные уроки, что у Малыша язык не повернулся спросить, можно ли посидеть с ним рядом. Потом приехала мама. Пообедала и легла полежать — очень устала в магазине, день был долгий. Так что гулять во двор Малыш пошёл один.

Сперва он прибрался в своём гараже, потом долго возился с островерхим домиком Щепкина, выложил

крышу мхом. Получилось очень красиво, Щепкин наверняка обрадуется! Если вернётся, конечно...

Чем ещё себя занять, Малыш не знал. Хорошо бы сходить к соседской девочке, принцессе, как называет её Малыш, хотя папа зовёт её Кнопкой. Но уже поздно, живут они на горе, а мама не любит, когда он уходит так далеко один, да ещё в темноте. Осенью темнеет рано. «О, — подумал Малыш, — идея». Надо набрать сухих веток и отнести в дровяной сарай, мама говорит, что их всегда не хватает на растопку. Вот этим он сейчас и займётся. Жалко, велосипед остался в магазине, а то бы он в два счёта всё перевёз. Но ничего, можно и охапками носить.

Он пошёл за дом. Веток там нашлось немного, но на взгорке кое-какие валялись. Малыш сгрёб их в охапку и потащил в сарай. Потом ещё два раза сходил за ветками. Вот удивится мама, предвкушал он. Придёт — а посреди сарая целая куча всякой растопки. Он вернулся на взгорок в четвёртый раз, но уже устал и просто ходил, разглядывая пеньки. И вдруг ему почудился среди веток Щепкин! Чепуха, конечно, Щепкин трясётся где-то в грузовике за много километров отсюда. Малыш подошёл ближе и сразу увидел, что это никакой не Щепкин, но кто-то похожий на него, только вроде бы в юбке и с косичками.

— Хм, — сказал Малыш, — а я тебя раньше не видел. То-то Щепкин бы удивился, если б узнал. — Малыш взял в руки человечка в юбочке. — Как же тебя зовут?

Девочка-корневочка молчала, но Малыша это и не удивило: во-первых, она видит его впервые в жизни, во-вторых, вовсе не все щепки и корешки умеют так хорошо разговаривать, как Щепкин.

— Ты красивая, — сказал Малыш. — Как-нибудь я отнесу тебя к столяру, он тебя промаслит олифой, и будешь щеголиха почти как Щепкин. А вдруг ты ему глянешься? Тогда вы, наверное, могли бы пожениться. Как же тебя назвать? Щепкин и Корнеевна — вроде хорошо звучит, да?

Корнеевна смотрела на него не так угрюмо, как вначале, и Малыш сунул её под мышку и пошёл к домику Щепкина.

— Вот, — сказал он, — живи пока тут. Это дом Щепкина, но он почти всё время живёт со мной, а сейчас в отъезде. Он заглянет к тебе на днях, наверное.

Малыш поставил Корнеевну в домик и заторопился. Стало довольно поздно, пора было ужинать и ложиться спать. Мама зашла к нему перед сном, посидела с ним, спела песенку, и Малыш уснул.

Появившись в магазине на следующее утро, Малыш не решился спросить хозяина, что слышно о Щепкине. Если хозяин ответит, что не нашёлся, значит, Щепкин *точно* пропал, а так, не спрашивая, можно ещё надеяться.

Между тем хозяин тоже вёл себя очень странно. Был страшно занят, глаз не поднимал и едва поздоровался с Малышом и мамой. Она, кстати, сразу

взялась расставлять товар на полках, чтобы тоже не стоять без дела, и Малыш вышел на улицу. Он чувствовал, что сейчас не надо досаждать взрослым расспросами. Вдруг на крыльцо выскочил запыхавшийся хозяин.

— Слушай, Малыш, ты не можешь покараулить автобус? Мне должны передать посылку, а я боюсь, как бы шофёр не забыл.

Малыш был только рад получить задание. Мимо ехали грузовики, но Щепкина в них не было. Один даже заехал заправиться. «До чего странно, — думал Малыш, — ещё вчера мы играли здесь с Щепкиным».

Приехал автобус, Малыш зашёл внутрь и спросил водителя, нет ли посылки для хозяина магазина.

— Есть, есть, — ответил водитель. — Она, я понял, очень ценная, так что, пожалуйста, аккуратно носи и отдай прямо в руки шефу.

— Ага, — ответил Малыш, — будет сделано.

Неся посылку на вытянутых руках, ни на что не отвлекаясь, он пошёл напрямиком в контору.

— Вот спасибо, — сказал хозяин. — Малыш, у меня срочное дело, будь другом, разверни.

— Водитель сказал, что она очень ценная. Думаешь, она не разобьётся?

— Да, да, ты поосторожней с ней, — ответил хозяин и зарылся носом в счета.

Малыш снял бумагу и увидел коробку, видимо, из-под обуви. Наверно, что-то стеклянное? Малыш приподнял крышку, и кто-то сказал:

— Я не для того создан, чтобы меня в коробки за-
пихивали. Протестую!

— Щепкин! — ахнул Малыш. — Это ты?

— Кто ещё? — ответил Щепкин. — Может, это тебя
сунули в коробку из-под обуви?

— Щепкин вернулся! — обрадовался Малыш, выни-
мая его из коробки и показывая хозяину.

— Да, нам повезло, — сказал хозяин. — Звонил Лар-
сон. Представляешь, вчера он весь вечер бегал туда-об-
ратно на дорогу, ловил грузовик. Он успел остановить
три ненужных, прежде чем ему попался правильный,
так ещё шофёр наотрез отказался слушать, говорит,
не болтайте чепухи, нет у меня никакого деревянно-
го человечка. И уже собирался ехать дальше, насилу
Ларсон его удержал. А уж когда шофёр увидел Щеп-
кина, то совсем огорчился: эх, говорит, достался бы
он мне, я бы его повесил на стекло как оберег.

— Хм, — хмыкнул Щепкин, — это вы обо мне гово-
рите, так я понимаю?

— Как же я рад!!! — воскликнул Малыш. — Очень-
преочень!

Он пулей выскочил из магазина, мама успела толь-
ко крикнуть ему вслед:

— Малыш, какое счастье, что он вернулся!

Малыш с другом отошли подальше от всех, к за-
правке, и Щепкин стал рассказывать:

— Представляешь, вот мы здесь, играем себе,
и вдруг я уже не здесь, а далеко. У меня автомо-
биль, я разъезжаю по миру. А потом меня снова

хватают, запихивают в обувную коробку и отправляют с попутным автобусом, как кило маргарина.

— Так это ж хорошо, — улыбнулся Малыш. — Если бы Ларсон тебя не выследил, не снял с грузовика и не прислал сюда, то мы бы больше не увиделись никогда.

— Да я бы просто сел за руль грузовика и сам к тебе приехал, — ответил Щепкин.

— Что-то ты сегодня странное говоришь, — заметил Малыш, но Щепкин вдруг забеспокоился:

— Скорей, скорей, прячь меня под свитер! Исчезаю! Не хочу тут быть!

— Что такое? — спросил Малыш, хотя отлично знал, в чём дело.

— Те девчонки, те две. Исчезни меня быстро!

— Они идут в школу, — объяснил Малыш. — И я не успел тебе кое-что рассказать.

— Не успел — и ладно, сейчас не до того. Исчезни меня, говорю!

— Послушай, ты сидишь у меня под свитером, в случае чего я тебя защищу, ничего не бойся.

— Я вообще ничего не боюсь в целом свете, — ответил Щепкин, — просто с кем-то мне хочется общаться, а с кем-то — нет, только и всего.

— Малыш, мы всё знаем! — закричали девочки издалека. — Нам в магазине сказали! Нам некогда сейчас разговаривать, мы в школу опаздываем. Но мы хотели только сказать, что очень рады! И ты тоже, да? Бедный Щепкин, ты под свитер залез, да?

— Он замёрз что-то, — ответил Малыш.

— Я ни капли не замёрз! — возмущённо закричал Щепкин, но услышал его вопли только Малыш.

— С ним ничего не случилось? — спросила одна девочка. — Дай мы быстренько посмотрим!

— Даже не думай! — возмутился Щепкин. — Я не желаю. Ты меня слышишь?

— Тсс, тише, — сказал Малыш.

— Почему ты бормочешь себе под нос и не показываешь нам Щепкина? — спросила девочка.

— Это я не вам бормочу, — ответил Малыш испуганно. — Смотрите, вот он. Цел, не поломан.

Малыш вытащил Щепкина через горловину свитера, секунду подержал в воздухе и тут же сунул назад под свитер.

— Ура! Ну, мы побежали, а то опоздаем. Пока, Малыш! Пока, Щепкин!

Девочки убежали. Щепкин тихо сидел в свитере, не произнося ни звука. Малыш заглянул к нему и сказал:

— Пойдём в сарай, там никого нет. Я тебе что-то расскажу.

— Лучше бы я дальше ездил на грузовике, — ответил Щепкин. — Потому что ты мне больше не друг.

— Не говори пока ничего, — попросил Малыш. — Сейчас я тебе всё расскажу. Вчера, когда я сидел тут один и тосковал, пришли эти девочки.

— Ну? — сказал Щепкин. — Пришли и говорят: а где Щепкин? Почему он остался дома? Чего это ты не взял его с собой?

— Нет, было не так. Они спросили, хотим ли мы с тобой посмотреть их учебники, а я ответил, что тебя нет, тебя увёз грузовик. И знаешь, что они сделали тогда?

— Знаю. Стали хохотать, чуть животы не надорвали, их аж скрючило, они, наверно, даже на ногах стоять не могли и сели на землю.

— Ошибаешься, — ответил Малыш. — Сесть они сели, но от слёз. Они плакали, Щепкин, они ужасно огорчились, что тебя увезли и непонятно, увижу ли я тебя снова.

— Правда? — спросил Щепкин. — Они плакали? Не смеялись? Небось хохотали, а только делали вид, что плачут.

— Вовсе нет, — сказал Малыш. — Они ревели в три ручья, мне же ещё и пришлось их утешать, как я ни был расстроен.

— Очень странно, — сказал Щепкин. — А хотя и не странно. Ишь, плакали. Я тебе про то и говорю — они меня слишком обожают, я их потому и боюсь. Но, конечно, немного жалко, что я не был здесь вчера и не видел, как они плачут. Здорóво было посмотреть, как они слезами умываются из-за меня! А хозяин магазина тоже плакал?

— Нет. Но это он придумал, как тебя разыскать.

— Я думаю, если б я не нашёлся, он бы плакал. И мама тоже, и Филипп твой рыдал бы в голос, и магазин не работал бы.

— Как знать, — сказал Малыш. — Слушай, пошли перекусим, вон мама стоит на крыльце и подмигивает нам.

Этот день вообще был днём только приятных сюрпризов. Когда Филипп привёз Малыша с Щепкиным домой, там их уже поджидал старый столяр. Он был вторым другом Малыша, и это он промаслил Щепкина олифой, чтобы уберечь его от дождя, и он же построил навес для велосипедов и дровяной сарай. А теперь он привёз на тележке дверь в сарай и собирался приладить её на место.

— Ты, наверно, останешься на обед? — спросил Филипп.

— Неплохая идея, — ответил столяр, и Малыш понял, что ему ужасно хочется пообедать с ними.

— Я поставлю картошку, — сказал Филипп, — а мама привезёт горячее.

Малыш крутился рядом со столяром, смотрел, как тот работает, и запоминал впрок — вот вырастет, соберётся строить дом, тогда ему опыт столяра и пригодится. Вообще-то Малыш уже построил островерхий домик Щепкина, но прекрасный гараж для трёхколёсного велосипеда — дело рук столяра.

Сначала Щепкин тоже участвовал. Он сидел у Малыша на руках и не сводил глаз со столяра, но так Малыш не мог ни подать гвоздь, ни подержать доску, и он сказал:

— Побудь пока у себя в домике, Щепкин. Ступай к Корнеевне, познакомьтесь.

— С кем, ты сказал, я должен познакомиться? — удивился Щепкин.

— С Корнеевной. Я забыл тебе рассказать, я нашёл девочку-корневичку, в юбочке и с косичками. Так что если она тебе понравится, бери её в жёны.

— Глупости, — ответил Щепкин. — Ни за что! Чушь несусветная.

— Не хочешь — не надо, — ответил Малыш. — Ты злишься просто потому, что узнал всё без подготовки.

— Жена! Скажешь тоже! Фу.

— Ну хорошо, не разговаривай с ней. Но ступай в домик, а то здесь я не могу спустить тебя с рук, боюсь, потеряешься в стружке.

— Ей я слова не скажу, — решил Щепкин. — А теперь я пошёл в свой дом, посплю перед обедом,

после обеда и ещё ночью. И всё, можешь больше не таскать меня в магазин и никогда больше со мной не разговаривай.

— Что за глупости! — удивился Малыш. — Столяр пришёл к нам на один день. Могу я ему помочь?

И Малыш сунул Щепкина в островерхий домик, где давно ждала Корнеевна, и на лице у неё было написано любопытство. Но Щепкин уставился в стену перед собой и не проронил ни звука.

ЩЕПКИН ЗАГОВОРИЛ ВЫСОКИМ СЛОГОМ

Столяр навесил дверь в два счёта, Малыш даже испугался, что он сейчас быстренько закруглится — и всё. Но страхи оказались напрасны, потому что ещё и после ужина столяр долго что-то полировал и наводил красоту, а потом велел Малышу принести веник с совком, чтобы прибрать и оставить после себя порядок. А сучья и ветки, которые Малыш натаскал из леса, столяр порубил и сложил аккуратной кучкой.

— Вот бы ты приходил сюда каждый день, — мечтательно сказал Малыш. — Тогда бы мне не надо было работать в магазине.

— Там-то оно повеселее, — ответил столяр. — Ты бы заскучал, если б не бывал в магазине. А где Щепкин, кстати? Говорили, он поехал мир посмотреть.

— Поехал, но уже вернулся. А я знаешь что нашёл? Я нашёл ему подружку, он мог бы взять её в жёны, а он не хочет. Даже не разговаривает с ней, и вообще.

— Может, стесняется? — спросил столяр.

— Да, он такой, — ответил Малыш и побежал к островерхому домику.

Он притащил Щепкина с Корнеевной. Щепкин был мрачный, сердитый и обиженный. Зато Корнеевна — довольная и весёлая и с восторгом рассматривала столяра.

— Ну ты и мастер находить диковинки, Малыш, — заметил столяр. — Пожалуй, надо нам эту прекрасную даму пошкурить и проолифить, как Щепкина.

— Угу, — кивнул Малыш, а Щепкин вдруг сказал:

— Одно хорошо, принцесса к нам едет. Хоть поговорю по-людски.

Малыш присел на ступеньку, держа в руках Щепкина с Корнеевной. Теперь и он отчётливо слышал конский топот. Видно, прав Щепкин. А вскоре показались мужчина с девочкой верхом на коне. Они спустились по крутой лесосеке.

— А, Малыш, вот ты где, — сказал мужчина. — Кнопка услышала, что Щепкин укатил на грузовике, и вот потребовала проверить, как с ним дела.

— Он в порядке, только очень сердитый, — ответил Малыш.

Кнопка слезла с лошади и подбежала к Малышу.

— Ещё бы! — сказала она. — Он ведь устал! Как ты не понимаешь?! Ездил в такую даль, наверно, не спал всю ночь. Да, Щепкин, бедненький?

— Не спал, — ответил Щепкин, — глаз не сомкнул. Я лежал в обувной коробке под крышкой и всю ночь гадал, куда меня отправят.

— Бедненький, — прощепетала Кнопка. — Малыш, ты должен пустить его к себе в кровать.

— Да пожалуйста, — буркнул Малыш. — Пусть он только дуться перестанет.

Кнопка взяла Щепкина, отнесла наверх и бережно положила под одеяло к Малышу в кровать.

— Ну вот, теперь он повеселел вроде, — сказала Кнопка. — А я приехала не только из-за него. Просто я скоро надолго уеду. Папа отправляется в дальние страны, а я пока поживу у бабушки.

— Ой, — огорчился Малыш. — Ты прямо завтра уезжаешь?

— Нет. Но скоро.

— Жалко, — вздохнул Малыш. — А такой был хороший день... Видела, что я нашёл? — Он поднял Корнеевну, чтобы Кнопка получше её рассмотрела. — Я думал, Щепкин захочет себе жену. А он только злится.

— Надо её получше нарядить, — решила Кнопка. — Тогда он наверняка в неё влюбится, вот увидишь.

Она взяла у мамы обрезки гардин и нарядила Корнеевну как настоящую невесту. Если б Щепкин увидел её сейчас, он бы наверняка стал с ней любезничать. Но он спал, и, наверно, ему снилось, как он снова ведёт грузовик в дальнюю даль.

Корнеевну отправили в островерхий домик, Кнопка залезла на коня и села впереди папы. Стало уже темно, и она включила фонарик, чтобы освещать путь и коню, и папе.

— Приходи поскорее снова! — крикнула мама Кнопке.

— Хорошо! — крикнула Кнопка в ответ.

На другой день, когда Малыш с Филиппом вернулись домой, она уже ждала их на лестнице. Сидела одна и очень обрадовалась, увидев их велосипед.

— Привет, — сказал Филипп.

— Привет, — ответила Кнопка. — Папа разрешил мне погостить у вас сегодня.

— Здрóрово! — обрадовался Малыш. — Ты и на ужин останешься?

— Да, если вы меня покормите.

— У нас сегодня рыбные фрикадельки, — промямлил Филипп.

— О! — сказала Кнопка. — А я их люблю! Почти как сосиски, так что не страшно. Папа не хотел меня отпускать, потому что не успел договориться с вашей мамой. И темнеет теперь рано. Но он сам меня вечером заберёт, я ведь скоро уезжаю, тем более тут такое дело...

— Какое дело? — удивился Малыш. — Щепкин на месте. Вон, сидит у меня под свитером.

— Дело в другом. Ты забыл? — спросила Кнопка.

— Ты думала, у нас день рождения? — догадался Филипп.

— Нет, конечно.

— А что тогда за дело? — всё больше удивлялся Малыш.

— Дело в том, что у Щепкина сегодня свадьба!

Малыш похолодел от ужаса, а Щепкин дёрнулся и вывалился из свитера на землю.

К счастью, он не переломал себе ни рук, ни ног. Он был потрясён в прямом и переносном смысле и молчал, уставившись в землю.

— Я Щепкину об этом сказать не успел... — пролепетал Малыш.

— Не беда, — ответила Кнопка. — Даже хорошо, что ты его не предупредил. Он бы всё время об этом думал, пугался, а зря. Свадьба — это не страшно. Наоборот, очень интересно. Корнеевна уже готова, нарядилась. Смотри, какая красавица.

— А Щепкин? — ревниво спросил Малыш.

— Для него у меня есть бант-бабочка. А тётушка Забота дала для него шляпу-котелок и чёрное пальто. Она сама смастерила. Щепкин, смотри, какой котелок прекрасный! Чур, тебе разрешается надеть его только сегодня, в день свадьбы.

Щепкин отвечать не собирался, однако, как показалось им с Кнопкой, с большим любопытством

стрельнул глазами на шляпу, когда Малыш поднял его с земли.

— Давай я сперва с ним сам поговорю, — сказал Малыш, — а то женится, а что это да к чему, не знает.

Малыш унёс Щепкина за сарай и сказал ему так:

— Вообще, жениться приятно. Например, если те две девчонки станут к тебе приставать, ты всегда можешь ответить: «Некогда мне, жена дома ждёт».

— Это я не сообразил, — признался Щепкин. — Думаешь, мне пойдёт такая шляпа?

— Наверняка! — ответил Малыш. — Примерим?

Они вернулись обратно, к Кнопке. Она держала в руках весёлую Корнеевну, та была настоящая красавица в своём белом подвенечном платье.

— Опять ерунду придумали, — буркнул Филипп, но на самом деле ему было так интересно, что он не пошёл готовить обед, а остался стоять на крыльце.

— Ну, Щепкин, — сказала Кнопка, — давай-ка одеваться. Тебе полагаются шляпа, бант и плащ.

Ох, вы не поверите, каким важным стал Щепкин в этом наряде! Он выпрямил спину, расправил плечи и гордо вскинул голову.

— Филипп, ты будешь пастор, потому что мы с Малышом заняты, мы как будто родители жениха.

— Ну нет! — заартачился Филипп. — Я дядя Корнеевны, сижу в первом ряду и смотрю.

— Хорошо, тогда я сама, — вздохнула Кнопка. — Корнеевна, берёшь ли ты этого Щепкина себе в мужья?

— Так разумеется, — ответила Корнеевна и, кажется, сделала книксен.

— Щепкин, берёшь ли ты эту Корнеевну себе в жёны?

— Так-таки беру, — ответил Щепкин, и они с Корнеевной стали мужем и женой.

— А у меня для вас сюрприз, — сказала Кнопка.

Она достала свёрточек и сама его распаковала, потому что Щепкин справлялся с этим неловко.

Малышу было очень любопытно. Наконец Кнопка убрала все обёртки, и они все увидели подарок.

— Ой, — только и сказал Малыш.

— Это Корешок, ваш сын, — сказала Кнопка. — Я его сама нашла, в лесу рядом с нами.

— Корешок?! — сказал Щепкин, позабыв и про свой котелок, и про всё на свете.

— Вылитый папаша, — заметил Филипп.

— Послушай, дружок, — сказал Щепкин и в упор посмотрел на Корешка, — берегись в жизни двух вещей: дровяных печей и двух девчонок, которые крутятся у магазина. Впрочем, тебя они не достанут, ты не будешь ездить в магазин на заработки. Это наше с Малышом дело, а ты, Корнеевна, будешь сидеть дома и растить нашего сына.

— Как скажешь, старик, — кивнул Корешок.

— Так в нашей семье не говорят, — ответил Щепкин. — Лучше сказать «отец», но разрешается и «папа».

В тот день Щепкин не пошёл с Малышом в дом ужинать, а отправился в свой островерхий домик.

— Я хочу побыть с женой и сыном, — объяснил он Малышу. — Уф! Моя жена... До чего я не люблю это слово, кто бы знал.

— Некоторые говорят «моя супруга», — сказала Кнопка. — Может, оно тебе больше понравится?

— Гораздо больше, — признался Щепкин. — Я хочу побыть с супругой и ребёнком.

— Ладно, — кивнул Малыш. — Но после ужина вы, наверно, снова выйдете гулять, и мы ещё поиграем.

— Не исключено, — ответил Щепкин, но заметил, что Малыш огорчается, что он так отдалился от него из-за женитьбы, и добавил: — Увидимся после ужина, до скорого.

— Отлично, — сказал Малыш и убежал домой ужинать.

После еды Кнопка отказалась идти на улицу.

— Мне надо сначала сделать кое-что, — объяснила она. — Я хочу нарисовать свадебную фотографию Щепкина и Корнеевны. Пройдёт время, и им будет приятно, что она у них есть.

Но Щепкин и Корнеевна очень обрадовались картинке прямо сейчас.

— Ну вот, — сказала Кнопка. — И не забывайте меня. Я уезжаю к бабушке и буду жить у неё ужасно много месяцев.

— Мы своих друзей не забываем. Скажи, Корнеевна? — заявил Щепкин.

— Да. Мы не забываем, — ответила Корнеевна и сделала книксен.

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
ДОМОЙ, СКАЗАЛ ПАПА**

Папа Малыша со своими пальто и платьями всё время ездит по командировкам. Часто он уезжает недалеко и тогда в субботу возвращается на выходные, но сейчас отправился на север и не появлялся дома уже много недель. Он пишет Малышу открытки, Малыш убирает их в коробочку, а перед сном иногда достаёт, рассматривает и представляет себе папу в тех далёких местах. Но Малыш каждый день ходит

с мамой на работу, у него много дел. Не успеешь встать — уже ночь, день прошёл. Часто Малышу некогда даже подумать о папе. И у мамы с Филиппом всё так же. Иногда они вечером садятся все вместе и пишут папе письмо, а Малыш рисует в подарок картинку. Но если б они знали, как папа радуется их письмам, они, конечно, писали бы гораздо, гораздо чаще.

Но папа уже сам едет домой. Он так соскучился, что гнал машину почти без остановок, лишь бы поскорее увидеть маму и мальчиков. Иногда он даже ночью ехал, чтобы побыстрее добраться. И сумел-таки приехать на целый день раньше, чем обещал. Представляете, он встал ещё до рассвета и ехал, голодный и продрогший, ни разу не остановившись, пока в полдень не домчал

до родного дома. Тот встретил его тишиной и покоем. И тогда только папа сообразил, что днём дома никого нет.

Жалко, подумал папа разочарованно. Обычно к его приезду мама печёт хлеб и булочки, а Малыш с Филиппом ходят его встречать. И папе уже чудился горячий, сладкий дух свежей сдобы. А тут раз — никого нет, и булочками не пахнет.

— Э-эх, — загрустил папа. — Ну да ладно, ничего не поделаешь.

Он вытащил из машины два тяжелых чемодана, а пальто оставил висеть в грузовичке, им скоро снова в дорогу. Дотащив чемоданы до двери, папа взялся за ручку... Заперто. Конечно, раз дома никого нет, дверь на запоре. Папа полез в карман пальто за ключами и тут только вспомнил, что не брал их с собой. Боялся потерять во время долгой командировки, а что вернётся к запертым дверям, об этом он тогда не подумал.

Папа сел на ступеньку. Слева и справа от него стояло по тяжёлому чемодану. Всё получилось совсем не так, как папа намечтал себе, и он огорчился и злился. Папа взглянул на машину. Каждый божий день он садился в неё и куда-то мчался. Но теперь всё, хватит. Сил ехать к маме в магазин за ключами у него нет, понял папа. Он оглядел кухонное окно. Оно было плотно и надёжно закрыто на два шпингалета. Как и окна в гостиной. А спальня? Вот незадача, и это окно заперто. Последняя надежда

оставалась на комнату мальчиков. Папа встал, задрал голову — ура! Окно в комнате Малыша и Филиппа приоткрыто.

Папа обошёл дом, нашёл лестницу и потащил её к окну. Хотя она была тяжёлая, папа этого не замечал — так он взбодрился от мысли, что сейчас он проникнет в дом, сварит кофе, согреется и никуда больше сегодня не поедет.

Папа приставил лестницу к окну, проверил, надёжно ли она стоит, и полез наверх. Всё шло отлично, пока он не оказался на уровне окна. Филипп искусно вставил в распор между рамой и окном пробку и укрепил её, навязав крепких маленьких узелков на верёвку. Развязывать эти узелки оказалось делом мучительным. Будь у папы ножницы, он бы справился вмиг, но ножницы лежали в чемодане, а лазить как мартышка вверх-вниз папе не хотелось, тем более что четыре узелка он всё-таки развязал, оставалось ещё шесть.

Тут на дороге внизу остановилась машина.

— Любезнейший, — крикнул мужской голос, — а куда это вы лезете?

От неожиданности папа чуть не свалился с лестницы. Он повернул голову и с достоинством ответил:

— Я хочу войти в окно своего дома.

— Вот оно что, — откликнулись с дороги. — А я подумал, вы вор. Но на вид вы не злодей, так что я, пожалуй, поеду спокойно дальше. Простите за беспокойство.

— Да уж да, — сердито буркнул папа себе под нос, — вы правы, только психи лезут в свой дом через окно...

От злости он разом распутал все шесть узлов, распахнул окно и влез в комнату. Здесь живут его мальчишки, его сыновья. Сейчас их дома нет, но папе было приятно вот так постоять, посмотреть, как у ребят всё устроено, и словно бы поближе с ними познакомиться.

Потом он спустился в кухню и поставил вариться кофе. И вдруг вспомнил некстати, как прекрасно пахнут горячие булочки. Заглянул в холодный шкаф, а там — палочка дрожжей, мама припасла. И не успел папа хорошенько подумать, как уже отыскал поваренную книгу с рецептом и замесил тесто для булочек.

— Ты пока подходи, — сказал папа тесту, — а я вещи из машины принесу.

Папа разобрал чемоданы и сложил чистую одежду в комод, а грязную отнёс в подвал. Покончив с этим, он пошёл проверить тесто — а его стало уже чуть не в два раза больше.

— Ага, — сказал довольный папа, — пора лепить булочки.

Он отхлебнул глоточек кофе и взялся за дело. Булочек вышло два противня. Ставя первый в духовку, папа то и дело клевал носом. Его клонило в сон — очень уж он устал от долгой дороги да и не выспался. Но спать нельзя, он булочки печёт. Папа присел

на стул в гостиной, твёрдо намереваясь глаз не закрывать, и вдруг заснул.

Папа сладко спал в гостиной на стуле, а булочки пеклись в духовке на противне. Сперва они были белые, потом стали золотистыми. Теперь папе уже пора было на них взглянуть. Потом они стали коричневеть и всё темнели и темнели, их надо было быстро-быстро вынимать из духовки, но папа спал и ничего не замечал, пока не стал задыхаться и кашлять, потому что комната наполнилась едким горелым дымом, чад разъедал глаза, и нос, и рот.

— Ой! — ойкнул папа и кинулся к духовке.

Открыл дверцу, а там лежат восемь чёрных раздувшихся булок, лопаются и шипят. Схватил папа прихватки, вытащил противень из духовки и заметался, не зная, куда его поставить. Наконец решил отнести его на крыльцо, там холодно.

К счастью, у папы был второй противень. «Этот уж я не упущу, — подумал папа, — а следы аварии замету». Но куда денешь восемь горелых булок? Хорошо бы закопать, да времени нет. Тут взгляд папы упал на островерхий домик Щепкина. «Спрячу я их пока тут, — подумал папа, — а потом разберусь».

Ссыпав горелые булки в домик Щепкина, папа вернулся на кухню и стал следить за булочками. На этот раз они вышли такие пышные, румяные и пропечённые, что папа с трудом удержался, чтобы не слопать их сразу. Потом папа отогнал машину за дом, поднялся наверх и лёг спать.

День стал клониться к вечеру, приехали мама с Филиппом и Малыш с Щепкиным.

— Что это? — удивилась мама. — Откуда эта лестница?

— К нам забрался вор, — ответил Филипп мрачно. — Пойдите здесь, я проверю.

— Нет-нет. Я пойду с тобой. Малыш, а ты ступай к домику Щепкина и жди там.

Мама с Филиппом вошли в дом. Какой-то странный запах...

— Чем-то пахнет, — сказала мама. — Горелым и вкусным.

— Он, что ли, хотел дом поджечь? — спросил Филипп, озираясь по сторонам.

— Здесь никого, — ответила мама, — пойдём наверх.

— Кто-то лежит на папином месте... — зашептал Филипп.

— Это папа! — обрадовалась мама.

— Добро пожаловать! — сказал папа. — Хотите булочек?

Он сбегал вниз и принёс противень с булочками.

— Как приятно, когда дома тебя встречают булочками с пылу с жару, — сказала мама. — Предлагаю пропустить ужин и начать сразу с кофе!

— Всё вредное — самое вкусное, — заметил Филипп.

Тут в дом вернулся Малыш.

— Представляете, Корнеевна напекла к возвращению Щепкина булочек! — закричал он с порога. — И теперь они там втроём едят чёрные булки! Совсем чёрные!

— Молодец Щепкин, уже рассказал жене, как мужья любят, чтобы дома их ждали и пекли булочки, — хитро сказал папа.

— Меня дома не было, — ответила мама огорчённо.

— Зато я был и всё приготовил, — подмигнул папа.

Они сели за стол, и всё было так, как мечталось папе вдали от дома. И хотя Малыш вертелся у него на коленях, папа тоже сумел отведать булочек — очень-очень вкусных.

ДОМИК ПОД КУХОННЫМ СТОЛОМ

Филипп привёз Малыша домой на велосипеде. Ездить так стало уже холодно. К счастью, у Малыша отличная шапка, она закрывает уши плотно-плотно, и голова совсем не мёрзнет. Но, когда Филипп наконец притормозил у дома, Малыш почувствовал, что весь задубел, ну, кроме головы.

Спешившись, он первым делом отнёс Щепкина в островерхий домик. Теперь, когда Щепкин женился, он спешил из магазина к семье.

— Там у меня супруга, — говорил он, — и сын. Ждут не дождутся, когда папа с работы вернётся.

А Малыш пошёл к Филиппу.

— Ты будешь велосипед заносить? — спросил он, потому что всегда придерживал дверь, когда Филипп ставил велосипед на место, под навес.

— Нет, — ответил Филипп, — пусть пока так стоит. Мне скоро ехать обратно в школу, у нас сегодня собрание.

— У-у, — кивнул Малыш.

— Давай ты покараулишь воду для сосисок, — сказал Филипп, — а то мне надо быстрее сесть за уроки, чтобы со всеми управиться. Картошку вариться я уже поставил.

— Хорошо, — вздохнул Малыш.

Он расстроился, что старший брат торопится. Малыш любил, когда Филипп не спеша готовил обед, а он ему помогал.

Все торопятся, ни у кого нет времени. Мама приходит с работы поздно, папа всё время в разъездах, Щепкин женился. Малыш был вовсе не уверен, что рад появлению Корнеевны и Корешка. Теперь, когда они поселились в островерхом домике, Щепкину больше нравилось бывать с ними, а не болтать с Малышом, как раньше. Обзаведясь семьёй, Щепкин вообще стал молчалив.

Малыш сел у плиты и уставился на кастрюльку с водой для сосисок. Филипп велел крикнуть, когда вода закипит. Но что такое — кипит? Вон что-то забулькало. Это уже кипит? Нет, когда кипит, тогда пар валит прямо как из трубы паровоза. Вот как из картошки.

— Картошка кипит! — крикнул Малыш.

— Уменьши под ней огонь, — отозвался Филипп.

Малыш подкрутил пламя, потому что этому он давно научился, и сел ждать дальше. Но вот крышка на кастрюле стала подпрыгивать, из-под неё вырвался пар и брызги.

— Кипит! — закричал Малыш.

— Иду! — откликнулся Филипп.

И правда пришёл, переставил кастрюльку в сторону и стал быстро кидать в кипяток сосиски. Брызги полетели во все стороны, но на Малыша не попали.

— Смотри, — сказал Филипп, — я ставлю часы. Когда длинная стрелка опустится вот сюда, сосиски сварятся. Снова меня тогда покричи.

— Хорошо, — ответил Малыш, сел на стул и стал следить за стрелкой.

Она двигалась ужасно медленно, почти стояла на месте. «Если за ней не подглядывать, она наверняка убыстрится», — подумал Малыш и зажмурился. Но, когда он открыл глаза, стрелка подвинулась всего чуть-чуть, до цели ей было ужасно далеко. Хорошо, а если залезть под стол? Тогда ему вообще не будет видно часов, и они могут канителиться, сколько хотят, хоть вовсе стоять на месте.

Под столом оказалось отлично. Сидеть там было гораздо приятнее, чем у плиты. Малыш придвинул к столу стулья и теперь смотрел на мир словно бы сквозь окошки.

Но вам наверняка интересно, чем занимался тем временем Щепкин в своём домике. Ну, сначала они с Корнеевной и Корешком пообедали, а после еды Щепкин сказал: «Так, а теперь папа ляжет поспать». Раньше Щепкин редко вспоминал о послеобеденном сне, но теперь взял привычку ложиться подремать каждый день, «чтобы они поняли, что я папа».

«Странно, что Малыш всё ещё не зовёт меня», — подумал Филипп, подождал ещё, но наконец голод погнал его на кухню.

Сосиски давно разбухли, а от Малыша ни слуху ни духу.

— Ну что ты будешь делать, — проворчал Филипп, — убежал к своему Щепкину, а сосиски пусть сами варятся.

Он открыл дверь и крикнул на улицу:

— Малыш!

Никто не отозвался, но тут приехала мама и закричала издали:

— Обед готов?

— Да, — ответил Филипп, — только Малыш испарился. Я попросил его последить за сосисками, пока они варятся, и привет.

— Найдётся, — ответила мама, — он наверняка у Щепкина.

— Нет, — возразил Филипп, — тогда он услышал бы, что я зову.

— Значит, у столяра, — сказала мама. — Давай начнём обедать пока без него, я очень голодная.

— Угу, — кивнул Филипп, — а то мне тоже скоро уходить.

— Ой, — ответила мама, — ты уходишь? А я думала, что ты вечером дома и посидишь с Малышом, потому что я обещала тётушке Заботе зайти к ней.

— Мне обязательно надо пойти, я же казначей нашего школьного союза. Но, может быть, ты сходишь, когда его уложишь?

— Я что-нибудь придумаю, — сказала мама и принялась накрывать на стол.

А Филипп вынул сосиски и слил воду из картошки, но она варилась так долго, что разварилась в картофельную кашу.

— Ничего страшного, — сказала мама, и они сели за стол. — Ой, прости, задела тебя ногой, — вдруг извинилась мама.

— Нет, это я тебя ударил.

— Раз у тебя такие длинные ноги, тебе не надо садиться так близко ко мне, а то я шелохнуться не могу, — сказала мама.

— Это ты вытянула ноги, они в меня упираются, — обиженно ответил Филипп. — Мне вообще деваться некуда, хоть на стол ноги клади.

— Странно, — сказала мама, — раньше мы так не мучились.

— Надо всё померить и поделить место ровно пополам, — сказал Филипп и нагнулся под стол. — Ого, да тут Малыш, оказывается, — удивился он.

— Малыш? — переспросила мама испуганно.

— Всё, Малыш, кончай шалить, — сказал Филипп. — Разыграл нас, и хватит, не валяйся там. Мы попались на твою удочку, но теперь мы тебя нашли.

Но Малыш ничего не ответил. Он так крепко спал, что не слышал ни слова.

— Похоже, он спит, — сказал Филипп, — представляешь, лежит прямо на полу и дрыхнет.

— Бедный, так устал, — посочувствовала сыну мама. — Филипп, отнеси его наверх, пожалуйста.

Филипп был сильный, он отнёс Малыша в их комнату и снял с него ботинки, носки, брюки и свитер, а Малыш так и не проснулся. Потом Филипп накрыл его одеялом, подоткнул и пошёл вниз.

— Малышу тяжело ходить со мной на работу, — вздохнула мама, — я всё время забываю, какой он ещё маленький.

— Наверно, ему бы понравилось, если бы ты могла больше не работать, — ответил Филипп.

Малыш проспал два часа и проснулся бодрый и полный сил, как после долгой ночи, так что укладывать его в обычное время сегодня смысла не было.

— Что ж с тобой делать? — сказала мама. — Видно, придётся позволить тебе сходить со мной к тётушке Заботе.

— О-о! — удивился довольный Малыш. — Думаешь, мне надо позвать с собой Щепкина?

— Нет-нет, — сказала мама, — там темно, ещё потеряешь его. И надень-ка второй свитер, а то ты со сна, распаренный.

«Ничего себе! — подумал Малыш. — Идти в темноте вдаль, вот здорово! И совсем не страшно, потому что вместе с мамой».

Иногда навстречу им проезжала машина, и свет фар так резал глаза, что Малыш зажмуривался. А мама всякий раз тянула его чуть ли не в канаву за обочиной, потому что очень боялась, что человек за рулём автомобиля их не заметит. Но их, похоже, было хорошо видно издали, ведь у Малыша на куртке нашита широкая светящаяся полоса, а мама такую же приделала себе на шапку. Но когда машин не было, они шли просто в чёрной темноте, зато на небе светились звёзды.

— Малыш, а ты знаешь, что у звёзд есть имена? — спросила мама. — Пояс Ориона и Кассиопея, а вон видишь четыре звезды таким прямоугольным ковшиком, а перед ним ручка ещё из трёх? Это Стуре-Бьёрн, Большая Медведица, её ещё называют Повозка Карла. А рядом несколько звёздочек, очень на неё похожих, только меньше — как будто её медвежонок? Это Лилле-Бьёрн, Малая Медведица. В детстве я её обожала.

— А почему медвежонок не вырос? — удивлённо спросил Малыш, потому что мама-то вон как выросла за эти годы, а этот звёздный медвежонок, Лилле-Бьёрн, — нет.

— Звёзды не меняются, — сказала мама. — Смотри, это ведь дорожка к домику тётушки Заботы? Давай на неё свернём, там машин точно нет.

Машин здесь действительно не было, света фар тоже, и темнота стояла, что называется, непроглядная. Дорожка вилась среди высоких елей, больших, чёрных, всё заслонявших. Малыш не видел ничегошеньки. Мама делала руками такие движения, как будто плыла в темноте. Они шли тихо-тихо, молча и оба на цыпочках. Но потом мама испугалась, что Малыш испугается, кашлянула и прошептала:

— Ну вот, уже близко.

— У-у, — кивнул Малыш.

Он дал маме руку, чтобы мама могла успокоиться, подбадривая его, если совсем испугается.

— Львов в Норвегии нет, — сказал он, — а вон уже светится домик тётушки Заботы.

— Правда, — откликнулась мама, и они снова стали разговаривать, и шли теперь уже не на цыпочках, и мама не разгребала руками темноту перед собой.

А Малыш шёл и смотрел на звёзды. Многих из них он теперь знал — и медвежонка, и медведицу, и других. Они светят всем людям, и Малышу тоже.

— Мама, а давай каждый вечер гулять и смотреть на звёзды, — сказал он.

— Давай начнём с одного вечера, — ответила мама.

Тем временем они подошли к домику, мама постучала, и тётушка Забота открыла дверь. Но она была какая-то чудная.

— Заходите, заходите. Так вы с Малышом? Очень приятно.

— Он заснул после обеда, — объяснила мама, — а Филипп ушёл, пришлось мне взять Малыша с собой.

— Очень приятно, — сказала тётушка. — Только давайте говорить потише, у меня гость.

— Так у вас гости? — спросила мама. — Тогда мы лучше пойдём, наверно, а я зайду в другой раз.

— Нет-нет, — зашептала тётушка, — я и угощение приготовила. Заходите, я вам всё расскажу. Малыш, я очень радовалась, что твоя мама придёт ко мне в гости, а теперь вы пришли вдвоём, это вдвое лучше.

Малыш расстроился, услышав о госте. Интересно, это дядя или тётя? Наверняка кто-нибудь маме незнакомый, тогда все будут говорить красиво и важно,

как всегда делают взрослые, когда плохо друг друга знают.

Они вошли в крохотную прихожую, мама сняла с Малыша куртку, а тётушка взяла у неё пальто. Потом мама посмотрелась в зеркало и пригладила волосы. Малыш шагнул в гостиную, стол был накрыт, стояли бутерброды и печенье, но за столом никто не сидел. А надо вам сказать, что гостиная тётушки Заботы была ещё немножко и спальня, потому что вдоль одной стены стояла большая кровать, покрытая ажурным вязаным покрывалом, сквозь которое просвечивало красное одеяло. Малыш привык считать, что кровать стоит здесь для красоты, но тётушка взяла его за руку и подвела к кровати. Покрывало было откинута, край одеяла загнут, на подушке лежала головка с тёмными волосами, бледным лицом и закрытыми глазами.

— Ты завела себе мальчика? — спросил наконец Малыш.

— Только на время, — ответила тётушка. — Присаживайтесь к столу, пожалуйста, я всё расскажу по порядку. Я поэтому и просила вас не шуметь.

— Понятно-понятно, — сказала мама.

Она уже достала своё вязанье и была, судя по всему, страшно довольна, что гостей никаких нет, кроме мирно спящего мальчика. Малыш держал в одной руке бутерброд, в другой — кусок пирога и не отрывал взгляда от незнакомого мальчика.

— Я присмотрю за ним, — сказал он.

Мальчику бы, конечно, понравилось такое предложение, если б он слышал.

— Как его зовут?

— Лилле-Бьёрн, — ответила тётушка.

Малыш даже заулыбался про себя. Надо же, мальчика зовут почти так же, как звёзды, с которыми Малыш только что познакомился. Вот здорово!

ЛИЛЛЕ • БЬЁРН

— Бедняжка, — вздохнула тётушка Забота, — досталось ему в последние дни. Он живёт в городе с мамой и папой. У них крошечная каморка, и вот теперь они оказались в списке, чтобы через год купить себе квартиру в новом доме. Но надо ещё собрать денег на первый взнос и на мебель, поэтому родители Лилле-Бьёрна нанялись на корабль и ушли в море.

— В море? — спросил удивлённый Малыш. — Его мама — моряк?

— Ну, не моряк, конечно, — рассмеялась тётушка Забота, — но морячка. Она там, на корабле, готовит и убирает, а папа Лилле-Бьёрна служит матросом. А за мальчиком должна была присматривать тётка матери, Гури Пеньколодсен. Она живёт за горой.

— Гури? — ответила мама. — Людей она, правда, сторонится, но так крепкая, а мальчику полезно пожить в деревне. Смотрите, какой он худой и бледный.

— И усталый, — добавил Малыш.

— Я встретила его в день приезда, — сказала тётушка Забота. — Но потом кто-то сказал, что давно не видел Гури Пеньколодсен. А мне ведь до всего дело есть, сами знаете.

— Точно, — ответила мама. — Она не появлялась в магазине давным-давно.

— Вот именно. И я сразу вспомнила, что у неё должен гостить мальчик. Мне как раз надо было в те края, так я напекла печенья и заглянула к ним. Большая удача, что мне пришло в голову их проведать. Прихожу. Мальчик сидит в углу и грызёт чёрствую горбушку, а тётушка его совсем разболелась, лежит в постели, себя не помнит и о малыше тем более не вспоминает. А он-то здесь никого не знает, и домов там поблизости нет. Ему только и оставалось, что сидеть и ждать, когда тётя поправится.

Я, конечно, сразу вызвала доктора, и Гури забрали в больницу, лежать ей там месяца два, не меньше, считает доктор. Что делать тем временем с мальчиком, он не знал, ну я и сказала, что заберу его. Он, бедный, и так натерпелся, не хватало только отправить его теперь в совсем незнакомое место. А мы с ним сразу подружились, он спросил меня, засыпая, нельзя ли ему побыть у меня, пока родители не приедут. Я сказала: «Конечно, только тётя твоя наверняка захочет тебя забрать, когда поправится». «Не уверен, — ответил он мне, — кажется, она не разбирается в мальчиках». Тогда я объяснила ему, что мне нужно ходить к разным людям, помогать им по хозяйству и с делами, а он пообещал, что будет тихо сидеть и ждать меня. Не ребёнок, а золото. Теперь мне нужно договориться со столяром, чтобы сделал ему кроватку, а сегодня я уж лягу тут на диванчике, чтобы его не будить и не перекладывать. Бедный малыш, он несколько дней еды нормальной не видел.

— А его точно зовут Лилле-Бьёрн? — спросил Малыш. — Прямо как Малую Медведицу?

— Точно, — ответила тётушка. — Но я решила написать письмо его родителям, чтобы они не тревожились о нём, и хотела попросить твою маму приписать от себя, что я нормальный, приличный человек и на меня можно положиться, что я буду хорошо смотреть за их сыном.

— Напиши, что у тётушки Заботы золотая медаль по присмотру за детьми! — сказал Малыш маме.

— Так я и сделаю, — улыбнулась мама. — Как же мальчику повезло, что он попал к вам!

Малыш покосился на мальчика. Они примерно одного с ним возраста. Правда, Малыш успел его рассмотреть и, считай, познакомился с ним, а сам этот медвежонок Лилле-Бьёрн спит и ни о чём не догадывается. Хотя как знать, вон он вдруг открыл глаза, упёрся взглядом в Малыша, а потом снова закрыл их и стал спать дальше.

— Он меня увидел, — сообщил Малыш, — это хорошо, пусть запомнит, какой я.

— Да, потому что я надеюсь, что вы подружитесь, — сказала тётушка Забота. — Ты мог бы завтра не ходить с мамой в магазин, а прийти к нам? Вы бы поиграли и познакомились получше.

— Мама, ты меня отпустишь? — спросил Малыш.

— Конечно отпускаю, — ответила мама. — Мы с хозяином магазина постараемся как-нибудь справиться завтра без тебя.

И она занялась своим вязанием, тётушка взялась за вышивание, а Малыш тихо сидел рядом с кроватью и играл в красивые пуговицы из тётушкиных запасов. Малыш что-то шептал себе под нос, а чужой мальчик спал спокойно и хорошо, потому что Малыш сторожил его сон.

В дверь постучали, мама и тётушка вздрогнули от неожиданности, а Малыш и бровью не повёл, он отлично знал, кто пришёл.

Странное это дело — знать кого-то наизусть. Тогда ты как будто бы сквозь стену видишь, как он слезает

с велосипеда, ставит его, отщёлкнув подножку, откашливается, прежде чем постучать в дверь.

— Это мой старший брат, Филипп, — прошептал Малыш. — Тсс, — шикнул он на Филиппа, не дав тому времени даже рта раскрыть. — Здесь мальчик спит. Его зовут, как медвежонка Большой Медведицы, и он не ел целый год, два дня точно.

— Ого, — ответил Филипп, тоже пытаюсь перейти на шёпот, но когда голос у тебя то басит, то петуха даёт, управлять им нелегко, поэтому Филипп решил говорить очень тихо грудным голосом.

— Давай по дороге домой я посажу Малыша к себе, — сказал он маме, — заодно и тебе дорогу осветим, у меня же фонарик.

— Хорошо, конечно, — ответила мама, — на улице уже темно. А ты домой заезжал?

— Да. Собрание быстро закончилось, и я подумал, что неплохо бы вас забрать.

— Неплохо, — согласилась мама.

— Даже очень хорошо! — вмешался Малыш.

Он догадался, что Филиппу просто не хотелось сидеть дома одному тёмным вечером, но виду не подал. Филипп уважил тётушку, отведал и бутербродов, и печенья.

— Очень вкусно, — сказал он. — Я так люблю домашнюю выпечку. Мама раньше тоже часто пекла.

— Да, теперь с работой ни на что времени не хватает, — ответила мама.

Они посидели ещё минутку, и Филипп подошёл к кровати взглянуть на мальчика.

— Худой и бледный, — заключил он, — зато настоящий.

— Ага, — ответил Малыш. — Так что приду снова завтра, поболтаю с ним.

— Повезло тебе, хоть будет с кем играть.

Он схватил Малыша в охапку и посадил на багажник. Мама надела пальто, тётушка Забота вышла на крыльцо им помахать.

— Всего хорошего, — сказала она.

А у Малыша и было всё хорошо, у него была темнота, звёзды, мама и сам Филипп, и даже настоящий друг сопел сейчас носом в подушку в кровати тётушки Заботы.

МАЛЫШ НЕ ИДЁТ НА РАБОТУ

Проснувшись утром, Малыш ещё повалялся в кровати, раздумывая, взять ли Щепкина с собой или на первый раз оставить его дома.

Пришла мама. Помогая ему одеться, она спросила:

— Ты рад, что не пойдёшь в магазин?

— Не знаю, — ответил Малыш. — Вчера был рад, а сегодня пока не знаю.

— Тебе у них наверняка понравится, — сказала мама. — Я сложила тебе в рюкзачок тапочки, сухие колготки и водолазку. Ты Щепкина с собой берёшь?

— Нет, кажется, — ответил Малыш. — Первый раз не надо.

— Понятно, — кивнула мама. — Тогда приходи завтракать.

После еды у Малыша оказалось несколько свободных минут. Мама ещё собиралась, а Филипп доделывал уроки, о которых вчера забыл.

— Мог бы вспомнить о них и вчера, — ворчала мама.

— Ну да, — оправдывался Филипп, — но я подумал, вам понравится, если я за вами приду.

— Ещё бы, — сказал Малыш, — нам очень понравилось.

— Работай тогда, — вздохнула мама.

В ожидании, пока все соберутся, Малыш пошёл к островерхому домику проведать Щепкина.

— Привет. Думаю, брать ли тебя с собой, — сообщил он Щепкину.

— Мы, как всегда, поедem на работу, разве нет?

— Нет, — ответил Малыш. — У меня сегодня выходной, и я собираюсь совсем в другое место.

— Тогда и у меня выходной! — обрадовался Щепкин. — И куда идём?

— К тётушке Заботе. Но я не уверен, стоит ли тебе идти, потому что там будет один мальчик, ты его не знаешь.

— Тогда я, пожалуй, лучше побуду дома, с семьёй, — рассудил Щепкин.

— В следующий раз мы точно пойдём вместе, — пообещал Малыш. — И он к нам тоже придёт.

— Вот этого бы не хотелось, — сказал Щепкин.

— Брось, — ответил Малыш. — Мы с ним, наверно, подружимся, тогда ему надо и с тобой познакомиться.

— Нет, — отказался Щепкин.

— Давай поговорим об этом позже, мне пора, — сказал Малыш.

— Тсс, — шикнул на него Щепкин, — не болтай, Корешка разбудишь.

— Не куксись, когда я уйду, — подбодрил его Малыш.

«Посердится и перестанет», — подумал он и побежал к маме.

— Нам пора на работу, Малыш, — сказала она. — Филипп, а ты не забудь дверь запереть, — добавила она.

— Угу, — кивнул Филипп.

Мама ехала быстро, потому что опаздывала.

— Ты проводишь меня? — спросил Малыш.

— Нет, — сказала мама, — я довезу тебя до поворота на маленькую дорожку, а там рукой подать, сам справишься.

Малыш надеялся, что они будут долго ехать до поворота на маленькую дорожку, но мама так налегала на педали, что надеждам не суждено было сбыться. Вскоре мама затормозила и остановилась.

— Хорошо тебе провести время, — сказала она. — Вот держи свой рюкзак и не забывай надевать на улицу шапку. Филипп тебя вечером заберёт.

— Ладно, — ответил Малыш.

Мама поехала дальше. Малыш стоял и махал ей вслед, и она тоже оборачивалась в седле и махала ему, пока не скрылась за поворотом. Но вот перед ним дорожка, она вьётся вверх. «Эх, зря я Щепкина не взял, — пожалел Малыш, — мы бы с ним поболтали дорогой, а прежде чем войти в дом к тётушке Заботе и тому мальчику, я бы припрятал его в надёжное место».

Вокруг было страшно тихо. Вчера всё тонulo в темноте, и мама разгребала её руками. Вдруг скрипнуло дерево, и с ветки взлетела большая птица. Малыш вздрогнул, конечно, но дальше всю

дорогу думал только о том, какие же большие должны быть у этой птицы крылья, чтобы так шумно хлопать. А тут и домик тётушки показался. Интересно, встали ли они уже, подумал Малыш. И решил не стучаться сразу, а сперва присмотреться. И точно, из трубы шёл дым, значит, тётушка Забота проснулась. Угу. Малыш ступал на цыпочках, чтобы топотом не обнаружить себя раньше времени.

Тут открылась дверь и вышла тётушка с тазом. Ух ты, она успела постирать с утра пораньше. Но кто это выглядывает из-за её спины? Так-так, это вчерашний мальчик. Он шёл за тётушкой след в след, держась за тесёмки фартука. В паровоз играют, догадался Малыш, тётушка — локомотив, а мальчик — пассажирский вагон. Состав доехал до верёвки, и игра на время прервалась. Мальчик доставал вещи из таза и подавал их тётушке, а она развешивала. Они работали очень скоро, таз быстро опустел, состав сцепился опять и поехал назад к дому. Малыш стоял, прикидывая, не двинуться ли следом, когда тётушка Забота увидела его.

— Малыш! — закричала она. — Мы тебя видим, заходи в дом! Лилле-Бьёрн, иди здоровайся с новым другом.

Но Лилле-Бьёрна нигде не было видно.

— Что за чудеса, — удивилась тётушка Забота, — только сейчас рядом крутился. Лилле-Бьёрн, сахарочек мой, ты где, медвежонок? — громко позвала тётушка.

— Спрятался, наверно, — сказал Малыш.

— Сейчас мы его найдём, — проговорила тётушка, заглядывая в шкаф на кухне. — Лилле-Бьёрн! — громко позвала она.

— Лилле-Бьёрн! — крикнул и Малыш тоже.

В крохотном домике тётушки Заботы крики звучали очень странно, потому что он был до того маленький, что позови кого-то шёпотом, и то оглушишь.

— Куда ж он подевался? Только что тут был.

— Может, он под кроватью? — вслух подумал Малыш. — Отличное место для прятков.

— Тогда загляни под кровать, пожалуйста, — попросила тётушка.

Малыш залез под кровать, никого там не нашёл и пополз дальше — под диван, посмотрел за стульями.

— На улицу он выбежать не мог, — рассудила тётушка, — я стояла в дверях, пока ты не вошёл... Лилле-Бьёрн, ну-ка выходи, поздоровайся с этим милым мальчиком. Его зовут Малыш.

Никто не вышел на зов, никто не откликнулся.

— Подпол у тебя есть? — спросил Малыш.

— Да, но крышка подпола очень тяжёлая, он бы её не поднял.

— А чердак? — спросил Малыш.

— Есть, но даже я подставляю лесенку, чтобы туда залезть. Нет, на чердак он забраться точно не мог.

Малыш огляделся по сторонам. Посреди кухни стоял плетёный короб, в нём сухие выстиранные простыни, пододеяльники, наволочки и блузки дожидались,

пока их отутюжат. Малыш пригляделся и заметил, что короб как будто шевелится.

— Вот где в прятки играть, — со знанием дела оценил Малыш и подошёл поближе. — Наверняка он здесь, — сказал Малыш, осторожно поднимая крышку.

Он откинул простыню, пару наволочек, и показался мальчик.

Малыш обрадовался и загордился, что отыскал его. Это как быть вóдой в прятках. Но мальчик, застигнутый врасплох, был совсем не рад. И вид у него был не такой мирный, как вчера во сне. Он мельком взглянул на Малыша и буркнул:

— Уходи давай. Не хочу, чтоб ты здесь оставался.

Он положил голову на руки и набычился.

— Так вот ты куда схоронился, — сказала тётушка. — Боюсь, бельё будет выглядеть так себе, если ты будешь в нём играть. Вылезай, найдём какое-нибудь интересное дело.

— Пусть он уходит, — проговорил мальчик откуда-то из-под белья.

Малыш перевёл взгляд с мальчика на тётушку и увидел, что она не знает, как быть.

— Он не хочет со мной дружить, — сказал Малыш. — Я пойду лучше.

— Куда же ты пойдёшь, мой хороший, — ответила тётушка Забота. — Мама на работе.

— Я могу пойти к столяру, мы с ним старые друзья, — ответил Малыш.

— Понимаешь, просто он ещё не привык, слишком много нового, — стала объяснять тётушка. Потом она вытащила из короба Лилле-Бьёрна и взяла его на руки. — Вот что, давай мы с тобой поговорим вдвоём, — предложила она.

Но Лилле-Бьёрн зарылся лицом ей в шею и глухо проговорил:

— Пусть он уходит. Я не хочу, чтобы он оставался.

— Ладно, я пошёл, — сказал Малыш. — Я не по дороге, — успокоил он тётушку, — здесь есть прямая тропинка.

— Малыш, можешь мне помочь? — спросила тётушка. — Спроси у столяра, нет ли у него маленькой кровати. Или вдруг он может сделать её. Я думала, мы сходим к нему все втроём, но ты и один справишься.

— Хорошо, конечно, — кивнул Малыш.

— И обещай, что не пойдёшь по большой дороге с машинами.

Малыш натянул шапку и вышел вон, потом вспомнил важное и вернулся.

— Я забыл свой рюкзак, — сказал он.

Мальчик затаился на руках у тётушки, она была смущена и расстроена.

— Я сейчас же уйду, — сказал Малыш. — Не переживай. У меня столяр есть, и Щепкин, и Кнопка иногда дома бывает, но сейчас её нет, она у бабушки.

— Может быть, тебе всё же не уходить, — сказала тётушка, — Лилле-Бьёрн передумает, только время дай.

— Пусть уходит, уходит! — завопил Лилле-Бьёрн, не отлепляя лица от тётушкиной шеи. — Уходи!

— Ладно, — сказал Малыш, — я пошёл. Не грусти, тётушка Забота.

Он выскочил из дома и побежал. Он бежал, пока не домчался до тропинки к дому столяра. Только теперь, твёрдо зная, что тётушка его не видит, он сбавил ход и побрёл к дому столяра. Шёл он долго, потому что сперва пришлось дойти до своего дома, а уж оттуда к столяру.

Малыш был ужасно разочарован и теперь, оставшись один, разрешил себе загрустить. Он так ждал утра, чтобы подружиться с новым мальчиком! А тот даже не рассмотрел его толком, только орал как заведённый, чтобы Малыш уходил. «Я ему не понравился, — с горечью думал Малыш. — Эх, лучше бы я, как обычно, пошёл с мамой и Щепкиным в магазин».

Во всём лесу он был один. Конечно, день-то рабочий. Никто не гуляет, все трудятся. Малыш прибавил ходу. Надо бы поскорее передать столяру просьбу тётушки, чтобы он успел сделать кровать для Лилле-Бьёрна, то есть для этого мальчика. Потому что Лилле-Бьёрн — милый как медвежонок, он тихо спит в постели, а *этот мальчик* вопит и прогоняет Малыша. Два как будто бы совсем разных мальчика.

В лесу было очень мокро, а Малыш шёл в ботинках, потому что мама не знала, когда его собирала, что он будет пробираться по такой мокротени. Малыш

старался обходить самые топкие места по краю, но кое-где и с краю было так мокро, что, когда шагаешь, всё странно чавкает и щекочет ступни.

Наконец Малыш увидел свой дом. Значит, он прошёл уже немало и до столяра недалеко. И теперь он твёрдо знал, чего хочет — забежать домой и взять Щепкина. Но когда ему оставалось всего ничего до островерхого домика, из него выскочила мышь. В зубах она держала малютку Корешка.

— Кыш! — крикнул Малыш и громко затопал.

Мышь перепугалась, выплюнула добычу и с быстротой молнии юркнула в норку в земле.

«Вовремя я вернулся домой», — подумал Малыш.

Он вытащил из домика Корнеевну и Щепкина, и тот немедленно произнёс речь:

— Образцовое семейство Щепкиных не может жить в этом доме. На него совершают набеги дикие животные, они похитили нашего сына.

— Правда, — согласился Малыш, — придётся вам перебраться ко мне в большой дом. Щепкин, я пойду сразу отнесу Корнеевну и Корешка наверх, вернусь за тобой, и мы пойдём к столяру.

— Небось опять хочешь меня олифой мазать? — спросил Щепкин.

— Нет, ты просто будешь мне другом и проводишь через лес, — сказал Малыш.

— Если так, я с радостью, — согласился Щепкин. — Но вдруг дикая мышь вернётся?

— Не посмеет. Ты слышал, как я топал?

И Малыш понёс Корнеевну с Корешком к себе наверх. Он устроил их в своей кровати и, поправляя одеяло, вдруг подумал, что дверь-то была не заперта. Странно. Но раздумывать было некогда, Малыш спешил. А в доме стояла тишина. Он выскочил из дома и захлопнул за собой дверь. Щёлкнул замок. Теперь она точно заперта.

— Ты спас нас сегодня, спасибо, — сказал Щепкин. — Не появись ты так вовремя, неизвестно, что бы с нами стало.

— Может, мышка искала себе игрушки. Или ей понравился ваш масляный запах.

— Даже думать об этом не хочу, — ответил Щепкин. — А твой новый друг пришёл с тобой?

— Нет. Я же с ним не знаком, — сказал Малыш.

— Вот и отлично, — обрадовался Щепкин, — поживём пока как раньше.

— Да, — кивнул Малыш.

Как же здорово вот так поболтать с другом! А теперь они вдвоём пойдут к столяру, и день исправится и вовсе не будет грустным.

СТОЛЯР ДЕЛАЕТ КРОВАТЬ

У столяра Малыша ждало новое разочарование: дома никого не оказалось. На дверь был накинута крюк, а внутри никто не стучал молотком и не работал рубанком.

— Ничего страшного, старик скоро придёт, — сказал Малыш Щепкину в утешение.

За домом у столяра лежали деревянные чурки, отличные просто. Малыш перекатил их ко входу и построил из них длинный поезд да ещё много-много кораблей в придачу.

— Поскорей бы он возвращался, а то я совсем голодный, — пожаловался Малыш Щепкину. — Я собирался обедать у тётушки Заботы и не взял с собой ничего для перекуса.

— Жалко, я не знал, — посетовал Щепкин. — А то я попросил бы мою жену, Корнеевну,

приготовить тебе что-нибудь поесть. Или захватил бы с собой одну из чёрных булок, помнишь, лежат у нас с того дня. Кстати, не за ними ли приходила мышь?

— Понятно, — невольно улыбнулся Малыш.

Когда Щепкин начинал вдруг говорить так торжественно и по-взрослому, трудно было удержаться от улыбки.

— Да, сглупили. Надо было попросить Корнеевну напечь нам плюшек и нажарить блинов. А пока она стряпала, мы бы на улице поиграли. А потом она бы нас позвала к столу...

— Тсс! — вдруг шикнул на него Щепкин. — Слышишь автобус? Подожди, сам увидишь.

И точно, показался красный автобус. Он остановился строго напротив дома столяра, тот вышел и, не глядя по сторонам, решительно подошёл к двери и откинул крюк.

— Привет, — сказал Малыш.

— Привет, — тихо прошептал Щепкин как будто бы самому себе.

— А мы тут сидим, — прибавил Малыш.

— Это что за новости? — спросил столяр. — Я был сегодня в магазине, и твоя мама сказала, что ты ушёл к тётушке Заботе и играешь со своим новым приятелем.

— Он не хочет, — ответил Малыш, — а тётушка просила узнать, нет ли у тебя готовой маленькой кровати или не можешь ли ты её сделать.

— Вот оно что, — сказал столяр, — не хочет. Станный он, должно быть, раз не хочет водиться с тобой, Малыш.

— Зато у меня есть ты, — напомнил Малыш, — и Щепкин.

— Да, добро пожаловать в дом, — радушно сказал столяр, но вид у него был очень задумчивый.

— А еда у тебя есть? — спросил Малыш. — Я очень голодный.

— Сейчас мы нажарим мяса и сварим кофе. Кстати, я купил венскую булочку. Налетай прямо сразу.

— Нет, давай пополам, — откликнулся Малыш.

— Хорошо, — легко согласился столяр, который покупал булочку с мечтой выпить с ней кофе.

Как же стало хорошо, когда столяр разжёл огонь в маленькой печурке и на сковородке, шипя и брызгая, зашкворчало мясо. Столяр на весу резал хлеб. Он никогда не резал его, положив на доску, а всегда зажимал его под мышкой и кромсал.

— Дай-ка пощупаю твои ботинки, — вдруг сказал столяр. — Мокроваты, да и колготки тоже.

— У меня есть в рюкзаке сухие, — тут же вспомнил Малыш и одним движением стянул с ноги мокрые колготки.

Но вот надеть сухие оказалось трудной задачей, потому что ноги были влажные и колготы на них не натягивались, спасибо, столяр пришёл на помощь.

— А у тебя раньше тоже был маленький мальчик? — спросил Малыш.

— Был, — кивнул столяр, — а его кроватка стоит теперь на чердаке. Её мы тётушке и одолжим для её постояльца.

— А куда твой мальчик делся? — снова спросил Малыш.

— В Америку подался, — ответил столяр, — может, приедет меня проведать... Так, надо нам кроватку покрасить. Как мы её разрисуем?

Малыш вспомнил, как Лилле-Бьёрн спал в большой тётушкиной кровати.

— Пусть будет белая, — сказал Малыш, — с красными цветами и зелёными листьями.

— Звучит красиво, — кивнул столяр. — Придётся нам сегодня в четыре руки работать. Но первым делом надо подкрепиться.

Малыш уплетал обед за обе щеки, впору было заволноваться, не оставит ли он хозяина голодным. К счастью, столяр принёс из магазина полную сумку продуктов.

После обеда столяр раскурил трубку, потом они поднялись на чердак и нашли давно лежавшую там кроватку. Прежде чем красить, её надо было ошкурить, и с этим Малыш мог столяру помочь. Он получил наждачную бумагу и решительно взялся за работу. Когда кроватка со всех сторон стала чистая и гладкая, столяр принёс из кладовки краску. Он покрасил кроватку один раз, потом второй, и она засияла белизной.

— Но цветы рисовать раньше завтра нельзя, — сказал столяр. — Не знаю, как быть. Видно,

придётся тебе прийти завтра и показать, где их надо рисовать.

Вдруг раздался стук в дверь и вошёл запыхавшийся Филипп.

— Малыш тут? — спросил он, хватая ртом воздух.

— Конечно тут, — ответил столяр.

— Отлично! — обрадовался Филипп. — Я так испугался, что его нет у тётушки. Отпустить ребёнка одного!.. А если бы тебя дома не было?

— Его и не было, — сказал Щепкин. — Но потом он пришёл.

— Не захотел мальчик с тобой дружить, да? — спросил Филипп.

— Не захотел.

— Он очень боялся, что ты заберёшь у него тётушку Заботу, — объяснил Филипп, — поэтому так себя и вёл. Представь, сколько у него было переживаний в последнее время! Теперь он из-за каждого пустяка сам не свой. Малыш, но это ещё не все неприятности. Я сегодня уходил после вас и забыл запереть дверь, я твёрдо помню. А вернулся — она заперта.

— Это я запер. Понимаешь, Корнеевна боялась оставаться одна с Корешком в незапертом доме.

— Отлично. Значит, никто не прознал, что я забыл запереть, — обрадовался Филипп.

У него так и стояли в ушах мамины слова, как мама кричит ему на прощание: «Только не забудь запереть дверь!»

— Нет, конечно, — подбодрил его Малыш.

— Спасибо за Малыша, — сказал Филипп столяр. — Всё-таки у вас тут очень хорошо.

Потом он посадил на закорки Малыша с Щепкиным и пошёл домой.

Покачиваясь в такт шагам, Щепкин сказал:

— Отличный всё-таки у тебя брат.

— Правда, — кивнул Малыш.

ЭКСПЕДИЦИЯ С ТЕЛЕЖКОЙ

Щепкин очень обрадовался, что Корнеевна с Корешком перебрались жить в большой дом. Теперь он мог не волноваться за них. Уходя с Малышом рисовать цветы, он едва махнул своим рукой и был явно рад, что проведёт день в компании Малыша.

— Если столяр от тебя устанет, — сказала мама, — садись на автобус и приезжай в магазин. Вот тебе деньги на билет.

— Хорошо, — кивнул Малыш, — но вряд ли он устанет, потому что, когда ему надоест разговаривать, я всегда могу тихо один поиграть в принцессу, лошадку и медведя.

— Вот оно что, тогда хорошего дня, — ответила мама.

Принцесса, лошадка и медведь — деревянные фигурки, столяр сам их вырезал. Малыш влюбился

в них с первого взгляда, а Щепкин относится к ним с опаской, особенно к четвёртой фигурке — троллю, ему Щепкин не доверяет.

Столяр встал ни свет ни заря и к приходу Малыша успел и кофе выпить, и выкурить первую трубку.

— Слушай, Малыш, — приветствовал их столяр, — я тут подумал: цветы, конечно, прекрасно, но не нарисовать ли нам ещё лошадку?

— И собачку, — предложил Малыш. — Вот будет здорово!

— И ещё кого добавим? — откликнулся столяр, доставая с верхней полки хорошие кисточки.

Он явно любил рисовать и предвкушал, как примется за кроватку... Малыш знал, что столяр мастерски управляет с деревом, но теперь увидел, что и розы он рисует отлично, мало того, между цветами он пустил гулять разных зверей.

Кроватка получилась такой красоты, что Малыш втайне мечтал сам её заполнить. Но нет, она достанется этому Лилле-Бьерну. А он когда спит, то тихий и хороший, а когда просыпается, совсем наоборот.

Закончив работу, столяр сказал:

— Ну вот, теперь нам полагается попить кофе и выкурить трубочку. Кроватку мы пока поставим к печке, пусть сохнет. А потом повезём её тётушке Заботе.

— Понятно, — сказал Малыш. — Тогда я поехал в магазин.

— Так дело не пойдёт, мне нужна помощь. Я повезу её на тележке, а ты должен придерживать, чтобы она не сверзилась.

— В дом я не зайду, — предупредил Малыш.

— Тут, понимаешь, дело какое, — сказал столяр, — мальчик уж очень испугался, что ты у него тётушку Заботу отнимешь. Я тебя прошу об одном, и ты мне обещай. Ты на этого мальчика вообще не смотри и держись за меня. Что бы ни происходило, крепко держись за мою куртку, как если бы ты боялся, что он меня заберёт.

— Понял! — Малыш был явно доволен. — Хорошо, я с тобой схожу. Но куда же я дену Щепкина? Я же буду за тебя держаться.

— Его мы посадим к тебе под свитер, чтобы наружу только голова торчала.

— Идёт! — обрадовался и Щепкин. — Тогда я с вами!

Потому что когда он сидит у Малыша под свитером, то ничего в целом мире не боится.

Тележка столяра оказалась большой и такой тяжёлой, что Малышу было не под силу везти её одному. Столяр сам вывез её из сарая и запарковал у крыльца. Потом они вдвоём вынесли кровать, и столяр подложил под неё коврик, чтобы не поцарапать ярко-белую краску.

— Дверь запирать не будешь? — спросил Малыш.

— Я крючок накину, чтобы все видели: меня дома нет.

— Так они могут войти, если захотят, — сказал Малыш.

— Если они непременно хотят попасть внутрь, пусть уж лучше просто заходят, — ответил столяр.

По тропинке с их грузом было не пройти, поэтому они спустились на автомобильную дорогу, и все, кто ехал по ней в тот день, наверняка восхищались красивой кроваткой, катившейся вдоль обочины. Идти до домика тётушки Заботы было далеко, но столяр как будто бы чувствовал, когда Малыш устаёт, и за секунду до этого всякий раз успевал сказать:

— Давай-ка сделаем привал.

Так они шли долго, но наконец дошли до тропинки, что ведёт от дороги к домику.

— Ну вот, — сказал столяр с чувством выполненного долга. — Как только покажется дом, сразу прячься за меня.

— Как же ты один справишься? — спросил Малыш. — Я же должен поддерживать.

— Я постараюсь, — ответил столяр. — Я буду толкать тележку очень аккуратно, а ты делай, как мы договорились.

«Интересно», — подумал Малыш и, как только увидел тётушкин дом, сразу юркнул за спину столяра и крепко ухватился за его куртку.

Идти так на буксире оказалось делом странным, потому что он видел только спину столяра перед собой и землю под ногами, отчего казалось, что дорожка идёт под ним сама по себе, а он стоит на месте. У Малыша даже голова закружилась.

— Что-то я не уверен, что хочу идти с вами, — вдруг сказал Щепкин из-под свитера.

— Нет уж, дружок, — ответил Малыш, — мне нужна твоя помощь, иди со мной.

— Ничего не знаю, — сказал Щепкин. — Ты сейчас подружишься с новым мальчиком, и вы убежите гулять, а меня одного дома бросите.

— Честное слово, нет, — заверил его Малыш. — И обещаю: я буду брать тебя с собой всегда, когда захочешь.

— Вот мы и пришли, — сказал столяр и повёл плечами, расправляя спину.

Малыш тоже повёл плечами.

— Ой, что это к нам приехало? — всплеснула руками тётушка. — Прекрасная расписная кровать и столяр собственной персоной!

Она вышла на крыльцо, за ней, вцепившись в завязки передника, прятался маленький мальчик. Он был почти не виден, но Малыш успел его заметить, когда на секунду выглянул из-за спины столяра.

— Вот, готова, — сказал столяр. — Давай пока здесь её поставим, чтобы запах выветрился. Краска уже высохла, но запах долго держится.

— Давай, конечно, — ответила тётушка Забота.

Они со столяром вдвоём сняли кроватку с тележки, причём за спиной столяра прятался Малыш, а за тётушкиной спиной — тот мальчик.

— Добро пожаловать в дом, — пригласила тётушка столяра. — Мы угостим тебя кофе с пирогом, мы с Лилле-Бьёрном сегодня его испекли.

— Ого, — восхитился столяр, — уже печёте к Рождеству?

— Нет, просто нам обоим нравится печь. А я как раз взяла несколько дней отдыха, не ухожу работать, и мы решили, что будем печь почаще — захотелось пирога, сразу испекли. Так что добро пожаловать!

Столяр шагнул в дом и втянул с собой Малыша. Теперь и тот мальчик наверняка увидел его, но не поднял крика, как вчера. Зато он держался за тётушку как привязанный. Она пошла на кухню принести кофейник — он за ней, она стала разливать кофе — и он двигался вместе с ней шаг за шагом вдоль стола, потом они, всё так же играя в паровозик, отнесли кофейник на кухню. Наконец тётушка Забота села за стол, а мальчик устроился на полу рядом с ней.

Малыш тоже сел на пол, но рядом со столяром. Время от времени он косился на того мальчика, а сам крепко держался за брючный ремень столяра.

Сверху к нему спускался то кусок пирога, то стакан молока, и Малыш наслаждался жизнью. Видимо, и тот мальчик проводил время так же.

Вдруг тётушка ахнула:

— Ах нет, не может быть! Мне показалось, мимо дома пробежала лиса!

— Кто? — спросил Малыш.

— Лиса, — ответил Лилле-Бьёрн. — Я никогда лис не видел, только на картинке.

И они с Малышом не сговариваясь вскочили на ноги и бросились за дверь. Она осталась распахнутой, а они как ветер пронеслись по дворику, садику и выскочили на тропинку вниз.

— Вон вроде хвост её мелькнул! — крикнул Малыш и помчался по тропинке.

— Испугалась, бедная, — сказал Лилле-Бьёрн.

— Убежала, — вздохнул Малыш. — Поняла, что мы гонимся за ней.

— Убежала, а в другой день назад вернётся, — проговорил Лилле-Бьёрн. — И только я её увижу, потому что только я буду жить у тётушки Заботы. Я буду долго у неё жить, пока папа с мамой не вернутся.

— А я дома живу, — сказал Малыш. — Твои папа с мамой в море?

— Да, они в Африку плывут, — ответил Лилле-Бьёрн важно.

— А мой отец ездит в пальто и платьях, — заметил на это Малыш. — Мама работает в магазине, а брат учится в школе, к тому же у него есть рюкзак.

— Это он вчера приходил тебя искать? — спросил Лилле-Бьёрн.

— Да, он, — кивнул Малыш. — Скажи, большой?

— Большой, — согласился Лилле-Бьёрн, — очень.

Они снова побежали. И бежали что было сил почти до самых дверей, но тут Лилле-Бьёрн спросил:

— А что это у тебя под свитером?

— Щепкин, — ответил Малыш. — Можешь посмотреть. Он мой друг, у меня их два — Щепкин и столяр.

— А мой друг — тётушка Забота, — сказал Лилле-Бьёрн.

— Хм, — хмыкнул Малыш.

Они зашли в дом и сели как сидели, но теперь изредка поглядывали друг на друга.

Тётушка Забота и столяр разговаривали о своём, похоже, они вообще не заметили, что мальчишки вернулись. Вдруг Лилле-Бьёрн протянул Малышу кусок пирога.

— Это Щепкину, — сказал он.

— Спасибо, — ответил Малыш и помог Щепкину поклониться, благодаря за угощение.

— Нормальный парень, — одобрил Щепкин. — Ничего страшного, если ты с ним познакомишься.

— Спасибо за угощение, нам пора, — сказал столяр и с Малышом на прицепе вышел из домика.

— Не желаешь ли проехаться? — спросил столяр Малыша. — Тогда полезай в тележку.

И столяр повёз Малыша домой.

Малыш оглянулся на маленький домик. Тётушка стояла на крыльце и приветливо улыбалась ему. Но не махала. А за ней прятался Лилле-Бьёрн, его голова торчала из-за её спины. А потом он показался весь целиком. Он поднял руку и два раза помахал им. Малыш помахал в ответ.

— Он мне помахал, — сказал Малыш. — Мне кажется, мы почти познакомились.

— Ему нужно время, — ответил столяр. — Это не просто — оказаться вот так одному в чужом месте.

— А ты совсем один? — спросил Малыш.

— Я? Нет, у меня есть ты и моя работа, — ответил столяр. — А интересно, сколько уже времени? Ого, дело к четырём.

— Филипп сейчас приедет! — завопил Малыш. —
Высади меня здесь, я подожду его на лестнице.

— Хорошо, если ты не будешь бегать на дорогу.

— Ни за что не буду!

Малыш спрыгнул с тележки, вежливо попрощался со столяром, сел на ступеньку и завёл разговор с Щепкиным.

— Сейчас он опять был похож на того, когда спал.

— Кто похож на когда? — не понял Щепкин.

— Лилле-Бьёрн этот. Сегодня он был подбрее.

— Ну да. Он милый, дал мне пирога. Я его и не боюсь даже.

— И он тебя тоже не боялся, — кивнул довольно Малыш.

— Вот это странно, — поведал Щепкин. — Я был уверен, что он меня страшно испугается.

— Филипп приехал, — сказал Малыш.

— Привет! — закричал Филипп издали. — Хорошо, что ты тут. Я уж думал, придётся мне опять бегать по всей дороге тебя искать. Что делал сегодня?

— Сначала я был у столяра, потом мы пошли к мальчику, и я с ним почти познакомился.

— Это тот мальчик, что гостит у тётушки Заботы? Так он всё-таки ничего оказался?

— Кажется, да. Он Щепкину очень понравился.

— Это говорит о нём хорошо. Пойдём в дом, поставим картошку вариться. Только, чур, сегодня под столом не засыпай.

- Сегодня не засну, а в тот раз я правильно заснул.
- Это почему?
- Если бы я не заснул, я бы не познакомился с медведями.
- Какими такими? — удивился Филипп.
- Большой Медведицей с медвежонком на небе и Лилле-Бьёрном у тётушки Заботы, тоже медвежонок получается.
- Малыш, сколько ты всего уже знаешь, хотя даже в школу ещё не ходишь, — похвалил его Филипп и опустил чисто почищенную картофелину в кастрюлю.
- У тебя сегодня очень много дел?
- Нет, совсем мало.
- Как хорошо! — обрадовался Малыш.

РАЗУМНЫЙ ОН ПАРЕНЬ, ТВОЙ БРАТ

Малыш с Щепкиным топтались перед магазином и ждали Филиппа.

— Он появится с минуты на минуту, — сказала мама, — и вы вместе поедете домой.

Малыш не был в магазине два дня и сегодня с радостью вышел на работу, но стоял такой холод, что сейчас он мечтал поскорее очутиться дома.

Нос у него покраснел, и Малыш не сомневался, что и мизинец тоже красный, он никогда не успевал вовремя привыкнуть к новой зиме.

Показался Филипп, увидел Малыша и закричал:

— Езжай на автобусе! Очень скользко, я боюсь везти тебя на багажнике!

— А... — начал было Малыш.

— Автобус идет следом, он скоро будет здесь.

— Тогда я заберу домой велосипед, — сказал Малыш. — В такой холод он здесь всё равно будет стоять в сарае. Пусть лучше дома стоит.

— Беги за ним быстро, — сказал Филипп.

— Сунь меня под свитер, — посоветовал Щепкин, — так ты быстрее бегаешь.

Малыш домчался до сарая, выкатил велосипед, довёл его до остановки, а автобуса всё не было. Вдруг ему тоже слишком скользко ездить сегодня?

В дверях появилась мама:

— Малыш, ты куда собрался? А Филипп разве не приехал? Ты не сможешь ехать на багажнике вместе с велосипедом.

— Филипп уехал, — ответил Малыш. — Сегодня так скользко, что он боится меня везти, я поеду на автобусе.

— Тогда тебе нужны деньги на билет.

— Ты мне вчера давала, когда я шёл к столяру, — напомнил Малыш.

— Правда, — кивнула мама. — И у тебя в рюкзаке продукты на обед.

— И Щепкин под свитером, — подхватил Малыш.

— Счастливого пути, я приеду через часок, — сказала мама. — Ужас как скользко. Пора нам убирать велосипеды на зиму. Завтра все втроём поедem на автобусе.

— Да, — ответил Малыш.

Подошёл автобус, мама помогла занести велосипед, и Малыш сел на самое первое сиденье.

— Ты молодец, что сегодня не поехал на велосипеде, — похвалил его водитель. — Такой гололёд, что автобус еле ползёт, а с трёхколёсником ещё труднее управляться.

— Филипп поехал на велосипеде, — сказал Малыш, — но меня не взял.

— Хм, — задумчиво сказал водитель и тронул автобус с места.

Он ехал осторожно, медленно и внимательно всматривался в дорогу. Ещё бы, столько людей у него в автобусе!

— Вон Филипп, — показал Малыш на велосипед на дороге несколько минут спустя.

Заднее колесо велосипеда заметно скользило, и Филиппа заносило в сторону.

— Не задави его! — закричал Малыш шофёру.

— Не говори под руку, — сказал шофёр. — Я и так ползу как улитка.

Тут Малыш увидел, что Филипп остановился, слез с велосипеда и ждёт, пока автобус проедет. Малыш замахал ему, и Филипп махнул рукой в ответ.

— Разумный он парень, твой брат, — похвалил шофёр Филиппа. — На таком льду ничего не стоит зацепить друг дружку. Я очень обрадовался, когда он спешился и пропустил нас.

— Ага, — кивнул Малыш.

У него отлегло от сердца, что Филипп догадался пропустить автобус, но вдвойне он обрадовался этой прекрасной фразе шофёра, когда тот сказал: «Разумный он парень, твой брат». Пока Малыш радовался, автобус поравнялся с их домом, они с Щепкиным и велосипедом вышли, а шофёр крикнул ему вслед:

— Быстренько сойди с дороги и сразу домой. Договорились?

Так Малыш и сделал. Не медля покати́л велосипед прочь от шоссе и вверх, к дому, и даже не остановился ни разу до самых дверей.

Забравшись наверх, Малыш подумал было прокатиться на велосипеде до гаража, но тут же и передумал — под колёсами сплошной лёд, раскидать соломы Малыш ещё не успел. Пора убрать велосипед в подвал, подумал Малыш, но в дом не попасть, пока не появится Филипп с ключом.

Уже темнело, всё вокруг стало странным, непростым. То и дело проезжали машины, они светили Малышу в лицо. И ехали они слишком быстро для такой погоды. Автобус плёлся осторожно, а эти неслись на огромной скорости, будто и нет гололёда. Только бы Филипп не забывал пропускать их тоже, думал Малыш. Сидеть на ступеньке было холодно, но играть не игралось, потому что Малыш устал сегодня в магазине.

— А в доме сейчас тепло, хорошо, — сказал Щепкин из-под свитера.

— Да, — вздохнул Малыш. — Представляешь, вдруг Филипп ещё и печку растопит? Вот будет здорово.

У них электрообогреватель в гостиной и электроплита на кухне, но Малыш обожает, когда они топят дровами.

— Здесь темно, — сообщил Щепкин; он провалился совсем вниз, голова больше не торчала из свитера наружу.

— Давай вытащу тебя, — предложил Малыш, — посмотрим на небо. Вдруг звёзды увидим? Гляди, там

облака, а там небо синее-синее. Если облака сдвинутся, мы точно звёзды увидим.

— Они очень высоко, — ответил Щепкин.

— Кстати, о звёздах. Интересно, как там поживает медвежонок? То есть Лилле-Бьёрн. Мы с ним познакомились, а вместе не играем. Он ходит на работу с тётушкой Заботой, а я с мамой в магазин.

Медленно подъехал Филипп. Обычно он носится как угорелый, подлетает к крыльцу и резко тормозит, но сегодня не так. Малыш засеменил к велосипедному навесу, чтобы придержать дверь, но Филипп остановил его:

— Конец велосипедного сезона, в школу так больше не поездишь. Сейчас я спущу его в подвал и повешу на хранение до весны.

Он отпер дверь и втащил велосипед в дом.

— Малыш, открой мне дверь в подвал! — крикнул он.

Малыш настежь распахнул тяжёлую дверь, и Филипп стал спускать велосипед.

— Вот силач, — восхищённо промолвил Щепкин из-под свитера.

— Да, — кивнул Малыш. — Но смотри, какой я силач. Сейчас сам отнесу вниз мой велосипед.

Глядя, как Филипп спускается по лестнице со своим велосипедом, никто бы не подумал, что это трудное дело, но едва Малыш одолел первые две ступеньки, как трёхколёсник решительно потащил его вниз. Малыш упёрся и закричал:

— Филипп, скорей! Сюда! Помоги!

Брат прибежал, посмотрел, спросил:

— Что это ты делаешь?

— Хочу спустить велосипед вниз, вытереть, смазать и убрать на зиму.

— Понятно. Давай лучше я сам снесу его вниз. Эти подвальные лестницы коварны. Поедим и посмотрим, будет ли у нас время заняться велосипедами прямо сегодня. У меня сегодня вроде немного уроков.

— Хорошо, — улыбнулся Малыш.

Он обрадовался, что вечером Филипп точно будет дома.

Они вылезли из подвала, Филипп постоял, словно бы пробуя температуру, и сказал:

— В доме тепло, но будет уютнее, если мы истопим несколько полешек.

Малыш часто закивал головой, выражая полное согласие. Вечер обещал быть приятным, как раз как он мечтал. Малыш стал раздеваться, не дожидаясь напоминания, и справился сам со всем, кроме сапог. Иногда он и с ними справлялся, но сегодня шнурки заледенели и теперь торчали жёсткие, как спицы. Это оказалось ему не под силу.

— Дай помогу, а потом ты мне, — сказал Филипп.

— Ботинки снять? — уточнил Малыш.

— Нет, печку растопить. Положить в неё дров, нарвать газет. И потом обед приготовить.

— Это я могу, — сказал Малыш.

Филипп долго мучился с его шнурками, но всё же развязал их, Малышу осталось только поставить башмаки под плиту на кухне на просушку.

— А теперь можешь нарвать вот эти газеты и набить ими наши ботинки? — спросил Филипп.

— Легко. Только отнесу быстренько Щепкина наверх и сделаю.

— Конечно, — ответил Филипп. — Корнеевне привет.

И он красивым жестом приставил указательный палец ко лбу.

— Как хорошо воспитан этот юный джентльмен, — сказал Щепкин из-под свитера. — Не хочет ли он передать привет ещё и Корешку?

— Щепкин спрашивает, передавать ли нам привет от тебя Корешку.

— Да, приветов мне не жалко, Малыш, но ты побыстрее, иначе мы не управимся к маминому приходу.

Малыш отнёс Щепкина к Корнеевне и Корешку и бегом спустился назад на кухню.

— Давай буду рвать газеты, — сказал он.

— Отлично, — отозвался Филипп. — Картошку я уже поставил. Сегодня я её не чистил, а только поскоблил. Так даже полезнее, я читал. А что у нас к картошке?

— Рыба в пачке, — ответил Малыш.

— Хорошо, тогда ставим на огонь сковородку. А рыбу вынимаем, пусть оттаёт, а то холодную и твёрдую трудно резать. Ну вот. Теперь печка.

Но оказалось, что в корзинке у печки кончились дрова.

— Я схожу на улицу принесу, а ты пока рви газету на такие длинные полоски. И никуда отсюда не уходи, хорошо?

— Я с тобой, — сказал Малыш.

— Нет, это же надо снова тебя обувать, потом разувать. Или ты ждёшь меня здесь, или обойдёмся без печки.

— Хорошо, — согласился Малыш, сел у печки и взялся за старые газеты.

Филипп вернулся быстро и стал строгать щепки. Малышу это очень нравилось! Щепки у Филиппа вышли длинные и до того тонкие, что загибались на концах. Они были просто прекрасны, жечь их Малышу было жалко, но как скажешь об этом Филиппу, он специально их натесал, чтобы правильно топить печь.

— Давай сам попробуй, — сказал Филипп и протянул Малышу свой большой острый нож.

Малыш от удивления чуть не уронил увесистый нож на пол.

— Смотри на нож, — объяснил Филипп, — и откалывай щепку от себя, а не к себе. Начни, тогда станет понятнее.

Малыш от усердия стал красного цвета, но у него получалось. Не такие длинные, но вполне приличные щепки. Он бы с радостью провёл за этой работой остаток вечера, так она пришлась ему по душе, но Филипп забрал нож.

— В другой раз ещё попробуешь, — сказал он. — Только вместе со мной, одному тебе такой огромный нож брать не надо.

— Понял, — кивнул Малыш.

Филипп уложил дрова поверх щепок, прикрыл дверцу, оставив только щель, и чиркнул спичку. Вспыхнул огонёк, языки пламени побежали по газетам и перекинулись на щепки. Всё шипело, искрило, горело быстрее и быстрее, наконец дрова занялись по-настоящему, и Филипп сказал:

— Ну вот, разгорелось.

В печке уютно потрескивало, на плите кипела картошка, а раскалённая сковородка ждала, когда ей бросят рыбу.

— Что сделаем на сладкое? — спросил Малыш.

— Гоголь-моголь? — предложил Филипп. — Пока я жарю рыбу, ты взбивай. Давай разобью тебе яйца в чашку и положу сахар.

Малыш страшно загордился. Скоро он будет уметь всё, точно как Филипп. Только руки устают взбивать, поэтому вскоре он сказал Филиппу:

— Давай я займусь рыбой, а ты всё взобьёшь.

— Хорошо, — согласился Филипп.

И вот уже готовы и рыба, и гоголь-моголь.

— Мы уже полтора часа дома, а её всё нет. Наверно, предновогодняя горячка уже. Давай поедим одни.

— Она сказала, что приедет через час, — ответил Малыш.

— Мама ведь без велосипеда? — спросил Филипп.

— С велосипедом. Она утром везла меня на велосипеде, но ехать было трудно, очень скользко.

— Сейчас в десять раз хуже, — сказал Филипп. — Лучше б она ехала на автобусе.

Он подошёл к окну и посмотрел в него, но там была непроглядная темнота.

— Ну что, будем есть или подождём? — спросил Филипп.

— Давай подождём, — ответил Малыш, — только не долго, я очень голодный.

— Подождём десять минут. Если мама не придёт, сядем ужинать.

Они сели в гостиной у печки. Подождали ещё десять минут, мама не пришла.

— Давай отложим маме и поедем, — предложил Филипп. — Не так-то приятно: готовишь, готовишь, а никто не приходит ужинать.

— А я пришёл, — сказал Малыш.

— Молодец, хотелось бы, чтобы и мама тоже пришла, — ответил Филипп.

После еды они спустились в подвал. Филипп хорошенько смазал свой велосипед и привесил его к потолку. Потом помог Малышу с его трёхколёсником, и теперь два велосипеда висели рядом. А мама всё не шла. Филипп очень тревожился и всё время думал, до чего скользкая сегодня дорога.

— Знаешь, я тебя уложу и пойду маме навстречу, — сказал он Малышу.

— Нет, не бросай меня одного. Я пойду с тобой.

— Хорошо, — согласился Филипп.

Он помог Малышу завязать шнурки, достал свой фонарик, и они вышли из дома, хотя Малышу пора было спать. Наверняка Филипп один шёл бы быстрее, но он радовался компании Малыша, и фонарик светил, старался, и они шли, не теряя дороги.

БЛУЖДЕНИЯ В ТЕМНОТЕ

Филипп и Малыш гуськом шли по дороге. Кругом безлюдье и странная тишина. Редкие машины еле ползли, опасаясь гололёда.

— Мы наверняка даже до тумбы не дойдём, как её встретим, — сказал Малыш.

— Хм, — хмыкнул Филипп. — Проще было бы ехать на автобусе, но я боюсь, мы её тогда не увидим. Ты ещё немножко сможешь пройти, Малыш?

— Конечно, — кивнул Малыш, хотя, сказать по правде, он шёл из последних сил.

Щепкин уже спал, и Малышу давным-давно пора было в кровать.

Наконец они дошли до тумбы — а мамы всё не было видно.

— Пройдём ещё вперёд, — сказал Филипп и посветил фонариком во все стороны, как будто мама спряталась где-то за кустом или камнем.

Малыш поплёлся дальше. Здесь дорога переваливала через взгорок, и с одной её стороны был крутой склон.

— Я что-то слышу, — сказал Малыш.

— Опять ты за своё, — отмахнулся Филипп. — Кто на этот раз шумит — медведь или тролль?

Филипп давно привык, что его младший брат слышит и видит много странного.

— Да нет же, — ответил Малыш. Он остановился и слушал всем телом. — Кто-то жалуется, — сказал он.

Тогда Филипп тоже остановился и осветил склон, спускавшийся от дороги.

— Слушай, ты, кажется, прав, — сказал он Малышу. — Можешь постоять тут на краю, а я слезу вниз и посмотрю?

— Конечно, — ответил Малыш. — Только не пропадай надолго.

— Я быстро, — пообещал Филипп и стал осторожно спускаться вниз, освещая путь фонариком.

Вскоре он увидел велосипед, а чуть поодаль — маму.

— Привет, — окликнул он её. — Мы пришли.

— Очень хорошо, — сказала мама. — Я уж боялась, никто меня не найдёт.

— Ты ушиблась?

— Да, — сказала мама. — Я не могу наступать на одну ногу, и голова болит.

— Ты сможешь подняться на дорогу, опираясь на меня? — спросил Филипп.

— Попробую, — ответила мама.

— Так, — стал прикидывать Филипп. — Мне неудобно держать в руке фонарь и помогать тебе. Пойду позову Малыша на помощь.

Он вернулся на дорогу и сказал, стараясь говорить очень спокойно:

— Малыш, я нашёл маму. Она немножко ушиблась, ей надо помочь подняться на дорогу. Ты сможешь идти впереди нас и светить фонарём?

— Мама, — только и сказал Малыш.

Он испугался, он очень сильно испугался. Так это она так жалобно стонала?

— Зато маме повезло, что у неё два таких сына, — сказал Филипп. — Они всегда придут на выручку. Сейчас мы должны ей помочь. Мы же с тобой справимся, правда?

— Конечно, — кивнул Малыш. — Я помогу, я сильный. Мне надо будет нести её, да?

— Нет, ты будешь идти впереди с фонарём, — объяснил Филипп. — Но всё по порядку. Для начала спускайся за мной. Если оступишься, я тебя поймаю.

Малыш сел на краю дороги и ловко соскользнул вниз. Он тормозил ногами, чтобы контролировать скорость.

— Отлично, — похвалил Филипп. — Мам, смотри, Малыш пришёл нам помочь, теперь дело пойдёт на лад. Малыш, держи фонарь и свети вот так вниз, на землю. Мам, обними меня за шею и попробуй встать.

— Филипп, прости, пожалуйста, я не могу, — сказала мама. — Нога очень болит.

— Угу, — задумался Филипп. — Хорошо, тогда поступим иначе. Малыш, ты посиди тут с мамой, поговори с ней, а я сбегаю на дорогу и приведу помощь.

Филипп ушёл. Малыш помолчал и сказал:

— У тебя два сына, да? Мы тебе во-от так поможем... — И он широко развёл руки.

— Здорово, — сказала мама. — Вы поели?

— Да, и тебе оставили.

— Хорошо, что вы меня нашли, — сказала мама.

— Мы сами обрадовались, — ответил Малыш.

Филипп стоял на обочине дороги и махал фонариком. Но первая машина не остановилась, вторая тоже прошла мимо. Шофёры думали, он просто голосует, чтобы его подбросили. Но третий водитель затормозил, и Филипп стал торопливо объяснять, что мама скатилась с дороги, а он не может поднять её один. Едва дослушав, шофёр вышел из машины, и они вдвоём с Филиппом спустились к маме. Теперь Малышу надо было освещать дорогу, он взял фонарь, как показал Филипп, и стал светить. Всё получилось. Дядечка и Филипп подхватили маму с двух сторон и помогли ей подняться на шоссе.

— Мы отвезём вас в больницу, — сказал мужчина, — пусть посмотрят вашу ногу.

— Нет, лучше домой, — ответила мама.

— Мам, я не врач, — сказал Филипп, — глупо ехать домой, надо в больницу. Правда, Малыш?

Малыш не знал, что ответить, потому что ему, конечно, гораздо больше хотелось видеть маму дома, чем не видеть её в больнице.

Но Филипп сказал:

— Понимаешь, Малыш, больницы придуманы, чтобы помогать всем, кто ушибся или ударился. Маме больно, и ей будет гораздо лучше там, а не дома, где ей никто не сможет помочь.

— Согласен, — сказал мужчина. — И дело к ночи, вызвать доктора домой трудно. Он мог уехать к кому-нибудь далеко, погода-то какая.

— А велосипед оставим, я его завтра заберу, — решил Филипп.

Дядечка оказался очень хороший. Он отвёз их в город, это в сторону Гампетрефа, но дальше, зашёл с ними в больницу, сказал, что поговорит с доктором, а потом отвезёт Малыша и Филиппа домой. Сейчас они все втроём ждали в приёмном покое, а маму осматривали врачи.

— Здесь такой странный запах, — сказал Малыш.

— Ещё бы, — ответил Филипп. — Представляешь, сколько им нужно разных лекарств, чтобы лечить людей от всех болезней.

— Микстура от кашля, да? — уточнил Малыш.

— Конечно, — ответил Филипп.

Малыш клевал, клевал носом и задремал, но проснулся, когда пришла медсестра, под села к ним и сказала, что с мамой всё будет хорошо, но её оставят на несколько дней в больнице, чтобы подлечить ногу.

— Она хочет поговорить с вами, но она очень устала, так что я пущу вас к ней только на минутку, — предупредила медсестра.

Она проводила их в палату. Мама лежала на большой, хорошей кровати с белоснежной подушкой и белоснежным одеялом. Малыш присел на краешек. Ему ужасно захотелось прикорнуть под бочком у мамы и остаться на ночь тут, но мама ему этого не предложила, поэтому сам он проситься тоже не стал.

— Как же вы доберётесь домой? — спросила мама.

— Дядя, который нам помог, обещал подбросить нас, — успокоил её Филипп. — Мы с Малышом не пропадём, за нас не волнуйся. Да, Малыш?

— Да, — кивнул Малыш. — Мы умеем топить печь и ужин готовим. Эх, не догадались мы твою порцию захватить. Сейчас бы поела.

— Ничего страшного, меня здесь покормят. Филипп, сообщи папе. Ты можешь написать на фабрику, они знают, где он сейчас, и сами ему позвонят. А вы уж пока как-нибудь постарайтесь сами справиться. Следите за отоплением, запирайте дверь. А что же будет с Малышом, пока я здесь?

— Не переживай, всё у нас будет хорошо, — пообещал Филипп. — Правда, Малыш?

— Точно, — ответил Малыш.

— Нам пора, — сказал Филипп. — Мы постараемся навещать тебя почаще.

— Об этом не беспокойтесь. Проще всего нам переписываться, — сказала мама.

Она, видно, совсем устала, потому что глаза у неё вдруг закрылись. Филипп взял Малыша за руку и крадучись вышел из палаты.

— Она хочет спать, — объяснил он, — поговорим с ней в другой раз. Представляешь, как она устала...

— Может, мне лучше остаться и ухаживать за ней? — предложил Малыш.

— Здесь за ней будут хорошо ухаживать, — ответил Филипп, — а ты лучше езжай со мной домой. Мне будет очень грустно одному сегодня.

— Ой, правда, — спохватился Малыш.

Он очень хорошо понимал Филиппа. Как ему не хотелось оставаться дома одному, когда Филипп

собрался на поиски мамы, так и старшему брату, конечно, неприятно сидеть дома одному всю ночь и потом ещё весь день, если не дольше.

Дядечка всё ещё ждал их в приёмном покое. Он зевал, но был по-прежнему приветлив и снова предложил отвезти их домой. Малыш обрадовался, потому что стоять на остановке и ждать автобуса сил уже не было, да и денег на такую долгую поездку — тоже.

— Вы живёте там, где она упала? — спросил дядечка.

— Да, неподалёку, — ответил Филипп.

— Поедем аккуратно, а то скользко очень, — предупредил дядечка.

Пока они доехали, Малыш уснул.

— Спасибо огромное! — сказал Филипп и на руках вынес Малыша из машины.

— Не стоит благодарности, — ответил дядечка. — И пусть ваша мама побыстрее поправляется! — пожелал он и уехал.

Филиппу пришлось положить Малыша на крыльцо, чтобы отпереть дверь, но Малыш не проснулся. Он спал, пока Филипп нёс его по лестнице, раздевал, надевал на него пижаму...

Сам Филипп чуть было не заснул тут же рядом с ним, но вспомнил, что он отвечает за себя, Малыша и дом. Поэтому он спустился в подвал и проверил, выключен ли свет. Потом убедился, что огонь в печи в гостиной потух, попробовал,

заперта ли входная дверь и окна. Всё оказалось в полном порядке, можно ложиться спать. Как он ни устал, а всё же вспомнил, что надо завести будильник.

Он поставил его на стул прямо под ухо, чтобы точно услышать. Вспомнил, что не выучил уроки, и тревожно подумал, что же он скажет завтра в школе и куда денет Малыша. Про это надо было подумать прямо сейчас, но от усталости мысли прокручивались в голове, не сцепляясь в рассуждения.

«Я подумаю об этом завтра», — сдался Филипп и тут же заснул.

В доме было тихо. И он никому не собирался сообщать, что в нём спят крепким сном двое очень уставших мальчишек.

В ШКОЛЕ

Утром Филипп будильника не услышал, хорошо хоть Малыш проснулся. Он сел в кровати и позвал: «Мама!» Никто не ответил. А сам Малыш не знал, приснилось ему про маму и больницу или это вправду случилось.

Он босыми ногами прошлёпал в спальню, обе кровати стояли застеленные. «Значит, не приснилось», — подумал Малыш. Он пошёл назад к брату.

Филипп всё спал. «Вот хорошо, что я поехал с ним домой, — подумал Малыш. — Иначе что б с ним стало?»

— Ты не забыл, что тебе в школу? — строго спросил он. — А ещё большой мальчик! Вставай сию минуту, а я пошёл включать плиту!

Он собрал одежду в ком и отправился одеваться на кухню, там было теплее всего. Малыш включил плиту на единичку. Мама всегда варит себе кофе, но Филипп, наверно, не будет. Спустился Филипп тоже с комом одежды.

— Сварим по яйцу, идёт? — сказал Филипп. — Теперь давай думать. Ты считаешь, мне сегодня в школу надо идти?

— Конечно! Ты сам говорил, что боишься пропускать, а то будешь знать меньше остальных. Но если хочешь, можем остаться дома, это всегда приятно.

— Нам надо съездить в магазин и предупредить, что мама не придёт. Значит, все меня увидят, а не идти в школу, если здоров, стыдно.

— Ну нет, я не хочу сидеть дома один, — сказал Малыш.

— Ты не будешь сидеть дома один, — ответил Филипп. — Но давай подумаем об этом в автобусе. До него ещё полчаса. Может, помоем посуду? А то мы вчера бросили грязную.

— Лучше оставим это развлечение на вечер, — предложил Малыш.

Мытьё посуды на пару со старшим братом он считал приятным развлечением.

— Что-то в этом есть, — ответил Филипп. — Я пойду соберу портфель и проверю, везде ли у нас порядок.

— Не везде. Мы постели не убрали, — сказал Малыш.

— Не страшно, в доме только мы. Слушай, мне надо написать записку на фабрику, чтобы они папе позвонили.

Филипп написал записку, сложил портфель и снова посмотрел на Малыша.

— Ты оделся? А где твои варежки? Ой, мокрые! Что ж ты их вчера не положил сушиться?

Тут он сообразил, что это он сам забыл про варежки, Малыш заснул ещё по дороге домой.

— Угу, идти в этих грязных мокрюшках ты не можешь, — сказал Филипп. — У тебя есть другие варежки?

— Мама обещала связать, когда у неё будет время, — ответил Малыш.

Филипп порылся в папином ящике и вытащил пару перчаток.

— Держи. Они тебе великоваты, но с голыми руками идти нельзя, сегодня мороз.

— Понятно, — кивнул Малыш, разглядывая свои огромные сегодняшние варежки. — Зато места в них много.

— Вот шарф, — продолжал Филипп. — Готов?

— Я да. А ты? — спросил Малыш.

Нет, Филипп ещё не оделся. А одевшись, он ещё пошёл проверить, выключена ли плита, потом запер дверь и убедился, что убрал ключи в рюкзак. Наконец они сели в автобус, и тут Филипп вспомнил:

— Ой, Малыш, мы бутербродов на завтрак не взяли!

— Ничего страшного, — успокоил его Малыш, — я не голодный.

В магазине их встретил хозяин, взмыленный и встревоженный.

— Ужас сколько дел! — пожаловался он, не отрываясь от работы. — Ума не приложу, как мы справимся с этой предрождественской горячкой. А куда вы дели свою маму? Надеюсь, сегодня она приехала на автобусе? Я вчера сказал ей, что хватит ездить на велосипеде, надо оставить его до весны.

— В том-то и дело, — сказал Филипп, — что вчера она упала, свалилась с дороги и теперь в больнице.

— У неё очень болит голова и нога, — добавил Малыш.

— Что вы такое говорите? — ахнул хозяин. — Какое несчастье! Какой ужас! Да ещё под Рождество! Что же я буду делать? Попробую найти кого-нибудь в помощь, но это нелегко.

— Наверно, я мог бы помочь, — сказал Малыш.

— Ой, бедный, — покачал головой хозяин. — Нет, знаешь, сейчас это будет не очень кстати, тут дым коромыслом, сам видишь. Да-а, ну и ну. Я желаю

вашей маме поскорее выздороветь и чтобы всё у неё быстро прошло.

— Мы зайдём днём за продуктами, — предупредил Филипп. — Но попросим записать в долг, мама не успела дать нам денег.

— Не волнуйтесь, запишем в долг, — пообещал хозяин магазина. — Так, держите по яблоку. Ой, опять телефон звонит, я скоро с ума сойду. До свидания, ребята.

— Он не подумал сказать, что я могу остаться здесь, — проговорил Малыш и откусил большой кусок яблока.

— Да, — согласился Филипп. — Значит, пойдёшь со мной.

— В твою старшую школу?

— Ну да, — сказал Филипп. — Во время уроков ты будешь гулять, а на переменах приходить ко мне погреться. Я даже не знаю, как быть. Ты же не можешь ходить со мной на уроки.

— Нет, Филипп, — огорчился Малыш. — Я же без Щепкина сегодня, забыл его из-за этих варежек.

— Ещё неизвестно, понравилось ли бы Щепкину в школе, — ответил Филипп, замаявшись.

— Неизвестно, — кивнул Малыш.

Он и сам был не уверен, что ему так сильно понравится в школе у Филиппа.

У ворот школы Малыш увидел много больших мальчиков и больших девочек, все они шли учиться.

— Я постою здесь, пока они все не пройдут, а потом буду играть на этой площадке, хорошо? — сказал Малыш.

— Отлично, но я побуду тут с тобой до самого звонка, — ответил Филипп благородно, хотя ему наверняка хотелось пойти к приятелям и поболтать с ними до уроков. — Дай честное слово, что ты никуда с площадки не уйдёшь, — сказал Филипп. — А то где мне потом тебя искать?

— Я буду здесь, — ответил Малыш.

Тут прозвенел звонок, и все потянулись в школу.

— Ну, гуляй тут и ругай меня, а то я ни одного урока не сделал, — проговорил на прощание Филипп.

— Лучше сразу об этом скажи, — предложил Малыш.

— Придётся, — согласился Филипп, затесался в толпу школьников и исчез.

Малыш дождался, пока во дворе никого не осталось, и вошёл в ворота. Из-за внезапной тишины двор казался странно большим. Малыш взглянул на окна. Ученики входили в классы. «Интересно, где сейчас Филипп?» — подумал Малыш. Ему бы хотелось это знать. Тогда бы он смотрел на нужное окно и знал, что там Филипп.

В ворота вбежал мальчик, на всех парах пересёк двор и влетел в школу. «Опаздывает», — подумал Малыш. Стоять в центре двора было неуютно, потому что тогда двор казался бескрайним. Малыш решил держаться поближе к ограде. Наверно, вдоль неё можно весь двор обойти? Будет целое небольшое

путешествие. Только идти надо побыстрее, напомнил себе Малыш, иначе ноги мёрзнут, а ему тут целый день гулять. За вычетом перемен — Филипп сказал, чтобы на переменах он заходил в школу, греться.

Малыш пустился в путь. Сперва он шёл вдоль ограды. Набрёл на большой навес. Тут под крышей стояли велосипеды и несколько самокатов. Вот бы ему разрешили взять такой самокат, уж он бы накатался! Весь двор бы объездил! Ну хорошо, ладно, брать нельзя, но думать так понарошку ведь можно. Вот он берёт самокат, лихо отталкивается ногой...

Он, кстати, мог бы санки с собой захватить, если бы наперёд подумал, и Щепкина взять, если б не забыл. Про Щепкина неизвестно, конечно. Он Филиппа побаивается, говорит, слишком большой. А в школе все такие же большие, как Филипп, а некоторые ещё больше. Вдруг бы Щепкин оказался посреди двора, когда открываются двери и выходят ученики. Он бы очень испугался.

Малыш обошёл весь двор вокруг. И теперь решил пересечь его наискось. Отважиться на такое было страшно, ведь надо будет бежать через середину. «Всё равно я сделаю это, — сказал себе Малыш. — На старт, внимание, марш!» — скомандовал он себе и припустил вперёд. Но, добежав как раз до середины, он увидел, что взрослый мужчина входит в ворота. «Прячемся за велосипедным навесом», — мелькнула у Малыша спасительная мысль. Но он здесь, а навес — там.

Малыш замер посреди двора и стал внимательно рассматривать свои ботинки. Если он не будет дышать, возможно, чужой мужчина вообще не заметит его. Не тут-то было. Мужчина направился напрямик к нему. Приветливо улыбаясь, он спросил:

— Для старшей школы ты ещё маловат. Вот подрастёшь и придёшь к нам. Ты, наверно, ещё вообще в школу не ходишь?

Малыш покачал головой и снова уткнулся взглядом в ботинки.

— Понятно, понятно, — сказал мужчина. — Знаешь что, дружок, ты лучше беги к своей маме, а то сейчас начнётся перемена, а эти большие мальчишки, наши ученики, они всегда бегают и не смотрят по сторонам. Я боюсь, они тебя уронят. Так что убегай, пока их не выпустили.

Малыш внимательно посмотрел на него и ответил:

— Мне нельзя. Мама лежит в больнице, а я жду старшего брата, Филиппа, ну ты знаешь.

— Угу, — сказал мужчина. — А как тебя зовут?

— Малыш.

— А меня зовут директор, — представился мужчина. — Хорошо, жди здесь, но встань хотя бы к ограде, когда они выскочат. Потому что я правда боюсь, что они снесут тебя с ног.

— Понятно, — сказал Малыш.

Директор направился в школу, Малыш ещё постоял и пошёл дальше. Он же хотел пересечь двор по диагонали. А потом можно и по другой диагонали. Весь

первый урок Малыш выписывал сложные маршруты по двору и проголодался.

Проще всего было бы совсем не думать о еде, но как только он отдавал себе приказ о ней не думать, еда тут же завладевала всеми мыслями. Малышу представлялся большой кусок вкусного хлеба с сыром. Или колбасой. Да, ему больше хочется с колбасой и молока побольше. Или даже какао. Мама часто брала им с собой в магазин на завтрак какао. И вдруг Малышу так ужасно захотелось, чтобы мама не падала с велосипеда и он бы бегал сейчас перед магазином или сидел у мамы за прилавком и завтракал.

Прозвенел звонок, звук у него был резкий и громкий, Малыш вздрогнул. Сейчас как выскочат, лучше уступить дорогу. Потом послышался гул, как будто бы вдали прогрехотал гром. Дверь распахнулась, и на школьный двор хлынул поток больших и больших филиппов. Тишина кончилась, все кругом вопили, кричали, бегали и пихались. Кто-то подошёл к воротам и встал прямо перед Малышом, он сдвинулся на шаг, ещё на шаг и увидел старшего брата. Филипп шёл к нему. Малыш обрадовался и хотел окликнуть его, но не решился.

— Привет, — сказал Филипп, — не замёрз? Очень долго ждал?

Малыш кивнул, и просто потому, что он так обрадовался брату, на глаза навернулись слёзы. Малыш отвернулся, пряча их от Филиппа.

— Раздобыл тебе еды, — сказал Филипп, — попросил у одной девочки. Она говорит, что не съест весь свой завтрак, и поделилась с тобой. Пойдём погреем тебя в школе.

Тяжёлая дверь не поддавалась, но Филипп поднажал, и Малыш влетел внутрь. Пол был мраморный, а Малышу на подошвы намёрзли льдышки, он поскользнулся, и хлопнулся, и очень больно ударился. Малыш вскрикнул, Филипп подхватил его и поднял.

— Малыш, постарайся не плакать, — попросил он. — Нам нельзя находиться в школе во время перемены: если нас услышат, будет плохо.

Малыш шмыгнул носом:

— Я не буду плакать, но мне больно.

Филипп увёл его в какой-то длинный коридор, там было тепло и хорошо.

— Забирайся в угол, а я тебя посторожу.

— Очень есть хочется, — сказал Малыш.

— Вот, поешь, — ответил Филипп.

Бутерброд был очень вкусный, но вдруг Малыш заметил, что Филипп провожает взглядом каждую крошку, когда она исчезает у Малыша во рту. Наверняка Филипп тоже голодный, утром он не успел толком поесть, так он нервничал из-за всего.

— Давай пополам, мне не надо так много, — сказал Малыш.

— Ты настоящий друг, Малыш, — сказал Филипп. — Потерпи, осталось всего пять уроков.

— А сколько прошло? — спросил Малыш.

— Один, — ответил Филипп. — Тебе показалось, он долго тянулся?

— Довольно-таки, — ответил Малыш.

— Можешь погреться ещё три минуты, а потом всё.

— Понял, — сказал Малыш.

Он пригрелся, наелся и мечтал сидеть тут весь день.

— Всё, пора, — сказал Филипп. — Я тебя провожу, чтобы ты опять не упал.

Они успели вовремя, потому что, едва они вышли во двор, зазвонил звонок. Филипп проводил его до ворот и убежал со словами: «Мне пора, бывай». Двор опустел, и вот Малыш опять остался с ним один на один. Но теперь он всё-таки сыт и доволен и не так уж и мёрзнет. Он увидел маленькую ледяную дорожку и решил покататься. И долго бегал, падал и скользил в своё удовольствие.

КУРТКА ФИЛИППА

У Малыша снова стали мёрзнуть ноги. Носки-то были не очень сухие, потому что Филипп вчера не повесил их сушиться, но ему Малыш ничего не сказал. Папины перчатки тоже промокли, к тому же они такие огромные, что руке там как-то одиноко.

«Неужели мне нельзя тихо посидеть в коридоре?» — подумал Малыш. Лучше всего было бы, конечно, ждать Филиппа под той дверью, за которой он

сейчас учиться, но где найдёшь Филиппа в этой огромной школе? Правда, если проникнуть внутрь школы и там отыскать куртку Филиппа, то по ней легко вычислить, где сам Филипп. Отличный план, решил Малыш и пошёл в школу.

На пути встала тяжёлая дверь. Малыш навалился на неё всем телом, она приоткрылась. Малыш вставил в щель ногу и снова нажал на дверь. Постепенно щель стала такого размера, что Малыш сумел втиснуться в неё.

Он знал, что на первом этаже искать не стоит, потому что Филипп сам говорил, что поднимется по лестнице.

Малыш тоже поднялся на один этаж и вошёл в длинный коридор, сплошь завешанный пальто и куртками. Малыш сроду не видел столько одежды сразу. У Филиппа куртка синего цвета, и самое плохое, что у всех остальных куртки тоже синие. То есть встречались красные и жёлтые, но они девчачьи. Найти нужную куртку будет нелегко, понял Малыш, но у куртки Филиппа обтрёпаны рукава и сбоку торчит выдернутая нитка. Вдруг она всё-таки отыщется?

Малыш двинулся вперёд, осматривая каждую синюю куртку. У некоторых тоже были потёртые рукава, но не так сильно, как у Филиппа. Вдруг где-то скрипнула дверь, и Малыш недолго думая юркнул в гущу курток и застыл. И правильно сделал, потому что это оказался тот директор, с которым Малыш познакомился во дворе. Попадаться ему на глаза ещё

раз смысла не было. Но вот директор вошёл в другую дверь, а Малыш продолжил поиски и в конце концов сказал:

— Вот она!

Он нашёл куртку Филиппа — это точно она, и Малыш так обрадовался, что стянул её с вешалки, накинул на плечи и сел, прислонясь к стене. Куртка была тёплая, мягкая и пахла братом, а сам он наверняка в классе за стеной. Вчера Малыш поздно лёг спать, потому что они искали маму, а сегодня успел замёрзнуть и огорчиться, но теперь ему было так хорошо и тепло, что его разморило и он заснул. Урок тянется долго, и кому помешает, если он здесь тихонько подремлет?

Директор, зашедший в соседний класс, снова появился в коридоре. Он ходил по классам, слушал, чтобы подсказать потом учителям, как лучше учить ребят. Сейчас он шёл по коридору, напевая себе под нос, как вдруг увидел два башмака далековато от стены. «Странно, — задумался директор. — И башмаки очень маленького размера. Ой, в них чьи-то ноги!» Директор нагнулся и увидел куртку Филиппа. Куртка сидела, прислонясь к стене, а из неё торчали две ноги.

— Что за чудеса?! — удивился директор.

Он нагнулся ещё ниже и подхватил куртку вместе с Малышом.

— Ого, да это ребёнок! Ничего себе, — сказал директор и отнёс мальчика, завернутого в куртку, к себе в кабинет.

«Я видел его во дворе», — вспомнил директор. Он снял с малыша ботинки и влажные носки, положил его на диван и рассмотрел куртку. На воротнике было написано имя Филиппа и класс. «Хорошо, — подумал директор, — но дело не к спеху». Он снял с Малыша шапку и шарф, повесил носки на батарею, а ботинки поставил под неё. А Малыш спал себе сладко и не догадывался, что лежит в кабинете директора.

А ближе к концу урока директор заглянул в класс и спросил, кто тут Филипп.

— А, это ты. Я тебя помню. Выйди в коридор, пожалуйста.

Класс зашептался, всем было любопытно, а Филипп покраснел до корней волос. Что он мог такого натворить? Но директор ничуть не сердится, так что обойдётся, наверное.

— Зайди в мой кабинет, пожалуйста, — позвал тот Филиппа.

Филипп вслед за директором вошёл в комнату и увидел Малыша. Тот лежал и дышал редко и тихо.

— Он упал? — перепугался Филипп. — Он без сознания?

— Нет-нет, он просто спит, — ответил директор. — Я хотел лишь предупредить, что он у меня, и спросить, что у вас происходит.

Филипп рассказал, что накануне поздно вечером мама попала в больницу и он не успел никуда пристроить Малыша на время уроков.

— Но завтра мы что-нибудь придумаем, — заверил Филипп.

— Понятно, — кивнул директор. — Хорошо. А сегодня я отпускаю тебя с уроков. Думаю, у тебя много дел, раз ты в доме за главного.

— Спасибо огромное! — поблагодарил Филипп. — Вы меня очень выручили.

— Пойди принеси свои вещи и посиди тут, пока он не проснётся, — сказал директор. — Будить таких малышей себе дороже, они только дуются и капризничают потом.

Филипп кивнул. Какое счастье, что директор умеет обращаться с маленькими детьми! Когда Малыш проснулся, рядом сидел Филипп.

— Поехали домой, — сказал Филипп.

— Мне уже не надо ждать во дворе? — спросил Малыш.

— Нет, нас отпустили. Вставай, поедem домой.

На это Малыш с радостью согласился. Всё-таки для старшей школы он был пока маловат.

ФИЛИПП И МАЛЫШ

Как же хорошо было вернуться домой после дня в старшей школе! Филипп купил в магазине сосиски, хлеб, молоко, масло и пакетик кедровых орешков, а ещё позвонил в больницу и узнал, что мама

чувствует себя гораздо лучше. Едва они вошли в дом, Филипп поставил воду для сосисок и сказал:

— Знаешь, что мы сейчас сделаем? Снимем с тебя всю мокрую одежду, и ты посидишь в кровати, пока я делаю уроки. Идёт?

— О-о, — ответил Малыш.

У него очень замёрзли ноги, и посидеть в кровати, пока Филипп приготовит уроки, было заманчиво. Оказалось, что Малыш промок насквозь, и Филипп искупал его, чтобы пропарить. Посмотрев на красные пальцы Малыша, он сказал:

— Надо растереть тебе ступни шерстяным шарфом. Это верное средство.

Потом он взял шерстяное одеяло с кровати Малыша, согрел его на обогревателе, завернул в него Малыша и отнёс его наверх. О, какое блаженство! Тепло и хорошо.

— Посидите здесь с Щепкиным, поговорите, а я пока еду приготовлю, — сказал Филипп и подложил Малышу под спину большую подушку.

Послушать рассказ о школе собрались на одеяле Щепкин, Корнеевна и Корешок.

— Это старшая школа, в неё ходят только большие дети, как Филипп. А когда они шагают по лестнице, то она гремит как гром, и если они уходят со двора, то он кажется как целая площадь, и я по нему ходил.

— Жалко, ты меня забыл, — посетовал Щепкин. — Но, может, и к лучшему, раз они такие огромные.

— Они могли бы уронить тебя и наступить, — ответил Малыш.

— Ой нет, не говори даже!

— Но директор там хороший, — сказал Малыш.

— Приятно слышать, — кивнул Щепкин.

Появился Филипп с подносом в руках. На подносе стояли две тарелки. Видно, ему показалось, что веселее поесть наверху с Малышом, чем сидеть одному в кухне.

— У-у-у, — заурчал от удовольствия Малыш. — Вкуснотища! Знаешь, какой я был голодный?!

— Знаю, — сказал Филипп. — Я сам был такой же, представь себе. Теперь я разделаюсь с уроками, а потом помоем посуду.

— У-у, — снова сказал Малыш.

После обеда он стал шептаться с Щепкиным, но Филиппу их бормотание заниматься не мешало. Иногда он что-то повторял старательно вполголоса, и Малыш видел, что уроки движутся хорошо, значит, и настроение у Филиппа будет отличное.

Филипп просидел над уроками два часа, и всё это время Малыш умудрился ему не мешать.

— Готово, — сказал Филипп. — Малыш, ты не хочешь встать и помочь мне мыть посуду?

— Встаю, — согласился Малыш.

— Подожди, сейчас дам тебе одежду. Вот чистое бельё и ещё колготки, где-то я их видел в комод.

— Я буду воскресный чистюля уже в четверг, — кивнул Малыш.

Только Малыш стал одеваться, как в дверь постучали. Филипп побежал открывать. На пороге стоял почтальон с телеграммой. Филипп никогда прежде телеграмм не получал, поэтому он принёс её наверх и прочитал Малышу вслух: «Приеду пятница вечер целую папа».

— Пятница — это уже завтра! — обрадовался Малыш.

— Осталось только придумать, где ты побудешь, пока я учусь, — ответил Филипп. — Так жалко, что тётушка Забота под Рождество всё время работает, да ещё у неё этот мальчик.

— А столяр? — спросил Малыш. — Правда, он строит в Гампетрефе гараж, поэтому не всегда дома.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Филипп. — И Кнопки с её папой тоже дома нет, обидно. А в школу со мной ты, похоже, больше ходить не хочешь?

— Нет, я лучше дома останусь, — ответил Малыш.

— Хорошо, подумаем об этом, пока моем посуду, — предложил Филипп.

Посуды накопилось много, но они работали в четыре руки и скоро расправлялись с ней. В дверь снова постучали. На пороге стояла тётушка Забота, за ней прятался Лилле-Бьёрн.

— Привет, — поздоровался Филипп, — заходите. Мы как раз кончили мыть посуду.

— Молодцы, — похвалила тётушка и стала расспрашивать, как дела у мамы.

Тётушка была в магазине и там узнала, что мама попала в больницу. Потом спросила, как они справляются, а услышав, что Малыш ходил с Филиппом в школу, всплеснула руками и сказала с укоризной:

— Что же вы ко мне не пришли?

— Вас же нет целый день, — ответил Филипп.

— Ну и что? Если я повсюду вожу с собой одного маленького мальчика, неужели я не могу привести двоих? Правда, сладенький мой? — спросила она Лилле-Бьёрна.

— Да, — поддакнул Лилле-Бьёрн.

— Кофе хотите? — спросил Филипп.

— С радостью. Давай я сварю, а мальчики пока в гостиной поиграют.

— Тогда я пойду напишу маме письмо, — сказал Филипп и ушёл к себе в комнату.

Тётушка Забота заглянула в шкафчик, нашла яйцо, ещё кое-что, и никто и глазом не успел моргнуть, как она уже пекла вафельные трубочки. А Малыш и Лилле-Бьёрн сидели в гостиной на стульях, друг напротив друга, и молчали. Малыш думал: «Надо же, столько раз я мечтал, что этот мальчик придёт ко мне поиграть, а теперь не знаю, чем бы нам заняться».

— Би-бип, — сказал он вдруг. — Чур, стул — моя машина.

— А я плыву в Африку, — ответил Лилле-Бьёрн, — это мой корабль.

— А на море большие волны, согласен?

— Пока не очень большие, — сказал Лилле-Бьёрн, — но штурвал нельзя отпускать ни на минуту. А где Щепкин?

— Наверху, я за ним сбегаю.

— Здóрово, тогда он поведёт второй корабль.

Малыш посадил Щепкина на диван.

— Это как будто его корабль, — сказал он.

— Мм, — промямлил Лилле-Бьёрн, — похож на танкер.

Щепкин от этих слов прямо расцвёл. Он подумал, что танкер — это морской танк, а водить танки доверяют только самым умным, вроде Щепкина.

— Я тоже хочу плыть, — решил Малыш. — Чур моя машина превращается в корабль, и я плыву в Африку.

— Давай мы как будто там встретились, — сказал Лилле-Бьёрн.

— Я только что приплыл, меня увидели весёлые негритята и угостили бананами.

— А бананами у нас понарошку будут вафельные трубочки, — вступила в разговор тётушка. — А я как будто мама этих негритят и у меня много этих тру... этих бананов, но только приходите за ними на кухню, а то от них крошек не оберёшься.

Филипп тоже пришёл попробовать трубочек.

— Вам завтра придётся очень рано встать, — сказала тётушка. — Мы с Лилле-Бьёрном придём ровно в половине восьмого, Малыш, и ты к этому времени должен позавтракать, собраться и быть полностью готов.

— Мы справимся, — ответил Филипп. — У нас есть будильник, и Малыш его слышит.

Тётушка с Лилле-Бьёрном ушли, на прощание мальчик оглянулся и сказал:

— До завтра!

А Малыш ответил:

— Хорошо.

— Давай сразу ляжем, — предложил Филипп. — Что я буду здесь один сидеть? Лучше почитаю перед сном в кровати. Да, надо написать себе напоминалку, чтобы не забыть завтра о важном деле.

Если бы Малыш умел читать, он бы страшно удивился, потому что на бумажке Филипп написал крупными буквами: ЩЕПКИН.

ЩЕПКИН И СЕКРЕТ

Утром Малыш оделся ловко и быстро: сухая одежда не липла к коже, надевать огромные папины перчатки не пришлось. Малыш позавтракал и был совсем готов, осталось только проститься с Филиппом. Но, добежав до их комнаты, Малыш застыл от удивления: брат взял в руки Щепкина, внимательно его осмотрел, а потом завернул в шарф и сунул в свой портфель. «Ничего себе!» — задохнулся Малыш, бухнулся на попу и проехал вниз по лестнице пару ступенек. Теперь он мог бы уже спросить брата, зачем

ему Щепкин, но тут вошла тётушка Забота и закричала с порога:

— Малыш, ты готов?

И тут же выскочил на площадку Филипп и загалдел:

— Малыш, быстрее, тётушка не может ждать ни секунды. Давай иди скорее, веди себя хорошо и не делай глупостей.

— И ты тоже веди себя хорошо и не делай глупостей, — сказал Малыш и строго посмотрел на брата.

— Увидимся за ужином, — ответил Филипп.

— Хм, — буркнул Малыш.

Он задумался так глубоко, что забыл поздороваться с тётушкой и Лилле-Бьёрном.

— Здравствуйте, молодой человек! — окликнула его тётушка. — Ну что, братцы-кролики, хорошо ли спали? Вы большие молодцы, отлично справляетесь.

— Это да, — ответил Малыш, не в силах отвлечься от мыслей о Филиппе.

Зачем ему Щепкин? А вдруг ему одиноко в школе, и он поэтому взял Щепкина? Хотя там столько ребят, даже слишком много.

— Мы поедem на автобусе, — сказала тётушка, — но не в сторону магазина, а в обратную, на север.

— Также интересно, — ответил Малыш.

Высоко на холме раскинулся большой хутор. Он словно бы смотрит со своей верхотуры на долину и видит каждый дом, и дерево, и всех людей. Вот сюда-то и позвали тётушку Заботу печь угощение

к рождественскому столу. Едва она с мальчиками вошла во двор, навстречу им выскочила лайка и залилась громким лаем.

— Она просто докладывает хозяевам, что мы приехали, — объяснила тётушка. — Она привязана, так что не бойтесь, спокойно играйте во дворе. Перекусить я вас сама позову. Но если что, ищите меня на кухне, не стесняйтесь.

Мальчики проводили тётушку взглядами. Она исчезла на огромной ярко освещённой кухне с множеством шкафов, громадной плитой и длинным широким столом посередине.

— Никогда не видел такой кухни, — сказал Малыш, — у нас дома гораздо меньше.

— А у нас вообще нет, — ответил Лилле-Бьёрн. — В городе у нас только одна маленькая комната, и всё. Но вот папа с мамой вернутся из Африки, и тогда у нас тоже будет кухня.

— Это хорошо, — кивнул Малыш.

Они стояли вдвоём на краю большого незнакомого двора. И потому что двор был совсем чужой и угрюмый, они вдруг почувствовали себя настоящими друзьями.

Вдруг Малышу между лопаток впечатался снежок. А ещё один просвистел у самой щеки Лилле-Бьёрна.

— Ложись! — скомандовал Малыш.

Они упали на землю и оглянулись. За оградой маячили два мальчика немного старше их.

— Ага, задрожали! — сказал один.

— Вы со спины напали, — ответил Малыш. — Это не считается. Не по правилам.

Он как раз недавно узнал это слово от Филиппа и теперь гордо повторил за ним. А Лилле-Бьёрн очень загордился Малышом и от гордости даже рот приоткрыл.

— Что вам надо на нашем дворе? — спросил мальчишка. — Мы здесь живём, а чужакам хода нет, мы за этим следим.

— Нам можно, — ответил Лилле-Бьёрн, — мы на работе. Мы пришли с тётушкой Заботой. Если вы нас выгоните, она тоже уйдёт.

— С тётушкой Заботой? — переспросили мальчишки, и от одного её имени лица их подобрели, потому что тётушка Забота успевала обихаживать, радовать и баловать всех детей в округе. — Тогда ладно. Мы пошли в школу, а вы можете взять наши большие санки, они стоят за домом, — сказали мальчишки и ушли.

А Малыш понял, что ещё крепче сдружился с Лилле-Бьёрном, они ведь плечо к плечу смело пережили опасную передрагу.

— Вот бы ты мог ходить с нами каждый день! — мечтательно произнёс Лилле-Бьёрн. — Иногда бывает так противно ждать на улице, пока тётушка поработает.

В автобусе по дороге домой тётушка сказала:

— Если у вас в окнах свет, значит, Филипп дома и мы с Лилле-Бьёрном можем просто ехать дальше.

— А можно, он ещё когда-нибудь сходит с нами? — спросил Лилле-Бьёрн.

— Всегда, когда захочет, — ответила тётушка. — Только не завтра, потому что вечером приезжает его папа.

— У-у, — сказал Лилле-Бьёрн и так свирепо посмотрел на Малыша, как будто бы ему совершенно не понравилось, что к Малышу приедет папа.

Кухонное окно уютно светило, Малыш вылез из автобуса у своего дома.

— Привет! — крикнул ему Филипп. — Заходи, ужин почти готов.

— Хорошо, — сказал Малыш и первым делом поднялся в комнату.

На кровати как ни в чём не бывало сидел Щепкин.

— Ты ходил с Филиппом в школу? — спросил Малыш.

— Есть вещи, о которых мы не говорим, — ответил Щепкин. — Но они были очень большие, эти дети, очень. Всё же меня не уронили и не сломали, я уцелел.

— Вот и хорошо, — сказал Малыш и вдруг стал принюхиваться. — Ты чувствуешь этот запах, Щепкин? Так пахло, когда приезжал папа, пока мама не стала работать в магазине.

— Ты узнал запах? — слышался голос Филиппа с кухни. — Я посмотрел рецепт и пеку булочки. Иди угощайся.

— А что ты в школе делал? — прошептал Малыш.

— Секрет есть секрет, — ответил Щепкин.

Папа даже растерялся, когда приехал. В доме так вкусно пахло булочками! Неужели они смогли залучить тётушку Заботу пожить с ними, пока мама в больнице? Но нет, в доме только Филипп с Малышом. И Малыш с разбега бросился ему на шею, а Филипп переминается с ноги на ногу.

— Привет, пап. Ты голодный? У нас тут ужин есть, если хочешь.

— Это вы пекли? — спросил папа. — Божественно! Точно как раньше!.. Возвращаешься домой, а тебя встречает запах булочек! Я навестил маму в больнице. Она идёт на поправку, но ещё полежит там несколько дней. А у вас как дела?

— Вчера Малыш ходил со мной в школу, а сегодня его брала тётушка Забота, — ответил Филипп.

— А вы что-нибудь ели всё это время? — спросил папа.

— Да. Но нам пришлось в магазине записывать в долг, потому что у нас не оказалось денег, — ответил Филипп.

— А вчера мы забыли взять в школу бутерброды, — вставил Малыш.

— А сегодня надо замочить одежду, иначе у нас не будет чистой смены на воскресенье, — сказал Филипп.

— Хорошо, с этим мы разберёмся. А теперь хочу попробовать, что это так прекрасно пахнет.

Филипп накрыл стол в гостиной, а про булочки папа сказал, что сроду не ел вкуснее.

— Он точно съел шесть штук, — доложил Малыш перед сном старшему брату.

На ночь папа почитал ему книжку. А Филипп сидел за столом и возился со своими школьными вещами. Сказать по правде, дела никакого у него не было, уроки он выучил. Но ему очень нравилось, что их теперь дома трое, и хотелось быть где все.

Малыш заснул, папа с Филиппом спустились в гостиную, и вдруг Филипп сказал:

— Я сегодня носил Щепкина с собой в школу. Только ты Малышу не говори.

— Зачем? — очень удивился папа.

— Я делаю ему лыжи и хотел примерить крепления. Они у меня из тонких ремешков.

— Как ты здорово придумал! — похвалил папа. — Мы как раз дарим Малышу на Рождество настоящие лыжи, а Щепкину ты подаришь.

— Но самое странное, Малыш как будто бы знает, что я брал Щепкина в школу.

— Наверно, Щепкин ему рассказал, — засмеялся папа, а потом сказал: — Давай сразу бельё замочим. Так, вот таз. Теперь кладем порошок и наливаем воду.

Малышу было ужасно интересно, возьмёт ли Филипп с собой Щепкина на другой день тоже. Но нет, Филипп ушёл, а Щепкин остался сидеть на своём месте.

— А сегодня ты в школу не пошёл? — спросил Малыш.

— Хорошенького понемножку, — ответил Щепкин.

В ГОСТЯХ У ПРАДЕДУШКИ И МАМЫ

— Иди посмотри, как папа стирает, — сказал Малыш Щепкину. — Он как-то странно выглядит, а весь пол залит водой.

— Я не тону, — напомнил Щепкин.

Да, уж папа стирал так стирал. Надев на себя огромный фартук, он отчаянно возил чем-то по стиральной доске.

— Думаю, не пора ли нам купить стиральную машину, — сказал папа. — Вот разбогатеет и сразу купим. Пойди поиграй на улице, а потом поедем с тобой в магазин за продуктами.

— Ага, — кивнул Малыш.

Он прихватил с собой на улицу всех троих: Корневу, Щепкина и Корешка.

— Это наш дом, — объяснил им Малыш, — и мы можем вернуться внутрь, как только захотим. А потом мы пойдём с папой в магазин. Щепкин, ты поедешь у меня в рюкзаке. Помнишь, как в самый первый раз?

— Как в первый раз? Тогда следи, чтобы меня девочки не утащили, — предупредил Щепкин. — Я ведь пойду один, без супруги и сына? Корешок такой непоседа, мы замучаемся с ним в магазине.

— Да, твои пусть лучше навестят прадедушку, — прошептал Малыш.

Чуть повыше дома росла старая раскидистая сосна, любимица Малыша. Вообще, там было много деревьев — высоких, стройных, с аккуратной шапкой наверху, но нижние ветки у всех были очень высоко. А милая старая сосна опустила ветки чуть не до земли, и лазить по ней одно удовольствие. Малыш подхватил Корешка и полез вверх, оставив его родителей следить за ними с земли. Малыш выбрал удобную широкую ветку, ближе к стволу, на ней была как будто бы площадочка, как раз удобная для Корешка.

— Стой здесь, жди маму, она скоро поднимется, — сказал Малыш. — Ничего не бойся, это дерево — твой прадедушка!

Малыш сказал так, потому что ему запомнились слова столяра, что Щепкин отломился от старого

соснового корня. Так что он вполне может быть родней этому самому дереву.

— Я и не думал бояться, — заявил Корешок.

— Не думал? Ну и отлично, — ответил Малыш и полез вниз.

— Как он там? — немедленно приступила к расспросам Корнеевна. — Ему не холодно? Не страшно?

— Нет, Корешок ничего не боится. Теперь я подниму наверх тебя, и ты тоже не бойся. Я полезу осторожно, ты же не привыкла к высоте.

— Привыкла! — оживилась Корнеевна. — В юности я гарцевала на улитке. Ах, это было прекрасно! И какой тут наверху чудесный воздух! — добавила она, уже поднявшись.

— Мама, смотри, кто здесь! — закричал Корешок. — Я!

— Не могу сказать, что я в восторге. Зачем ты оставил его одного с прадедушкой? — строго сказала Корнеевна и пристально посмотрела на Малыша. — Старик ничего не смыслит в воспитании и наверняка научил мальчика всяким глупостям.

— Нет, он милый, — возразил Корешок. — Скрипит всё время.

Едва Малыш посадил рядом с ним Корнеевну, как она затараторила:

— Прадедушка, дорогой, здравствуй, здравствуй! Как хорошо видеть тебя в крепком здравии! Удивительно, что некоторые могут жить на холоде, дожде, ветре и сырости. Сама-то я перебралась под крышу,

как только замуж вышла, так что к холоду я теперь непривычная.

— А мне тут нравится, — сказал Корешок.

— Да, тут неплохо. Ещё бы сюда зеркало и занавесочки, — ответила Корнеевна.

— Оттого здесь и приятно, что всей этой ерунды тут нет, — строго заметил Корешок.

— У паренька неплохо варит котелок, — проскрипел прадедущка.

— Ага, — сказал Малыш, — но мне пора вниз, меня папа паренька заждался.

Он спустился к Щепкину.

— Я не слишком долго лазил?

— Нет, — ответил Щепкин. — Знаешь, о чём я тут думал?

— Нет.

— Всё-таки очень приятно иногда немножко побыть одному, — сказал Щепкин. — Так замечательно думается.

— Хм, — хмыкнул Малыш. — И о чём ты думал?

— Точно не помню, но было приятно.

— Папа, смотри, где мы! — закричал Корешок. — У нас здесь здорово, прадедущка всякие истории рассказывает.

— Всё же приятное дело — повидаться с роднёй, — сказал Щепкин. — Прадедущка, сколько же мы не виделись? Но я был всё время очень занят, работал в магазине, ездил на грузовике по миру, ходил к принцессе и в школу, ну, тебе не понять.

— Мы, однако, тоже кое-что кумекаем, — ответил прадедушка. — Иди уже к нам сюда.

Странное это дело — кусочку корня залезть на такое большое дерево! Щепкин в своё время, наверно, жил под землёй и, надо думать, частенько фантазировал, как он забирается на верхушку дерева и глядит оттуда далеко-далеко вдаль.

— А кого ещё из нашего семейства ты встречал? — спросил Щепкин.

— Я точно не знаю, но вроде на днях мимо пролетела ветка, похожая на внука от другого сына. Но я и ошибиться мог легко.

— Мне пора, — сказал Щепкин, — надо сходить в магазин за продуктами, а я обещал Малышу и его папе захватить их с собой. — Щепкин посмотрел на Корнеевну с Корешком.

— До свидания! — звонко сказал Корешок.

Папа уже ждал Малыша с Щепкиным. Он держал два рюкзака, свой собственный и Малыша.

— На плите ничего не стоит? — спросил Малыш.

Папа сбегал проверил, вернулся и сказал:

— Теперь уже нет. Но сразу видно, что вы с Филиппом настоящие хозяева и отлично присматриваете за нашим домом.

А потом они отправились в магазин. Малыш там сейчас не работал, мамы не было, и магазин вдруг оказался совсем незнакомым. И тётя за прилавком чужая.

— К счастью, я нашёл подмену вашей маме, пока она в больнице, — сказал хозяин магазина.

Папа заплатил долг Малыша и Филиппа и закупил гору вкусной еды. Они с трудом упихали её в два рюкзака, но Щепкину пришлось перебраться на руки к Малышу.

Но вот обед готов. И папа с Малышом ждут Филиппа. Сегодня-то ему наверняка будет приятно вернуться домой! Правда, обстановка в доме была непривычная, потому что папа развесил по всему дому выстиранную одежду. Он очень боялся, что иначе она не высохнет к вечеру, а он хотел успеть её погладить и убрать в шкаф, потому что воскресенье уже завтра и у них важное дело.

В воскресенье они нарядились во всё чистое и глаженое и долго прихорашивались, потому что они собрались навестить маму в больнице. Папа приготовил большую коробку конфет, Малыш нарисовал рисунок, а Филипп купил газеты и разные женские журналы.

Автобуса им ждать было не надо, они все втроём сели на переднее сиденье папиного серого грузовичка, проехали Гампетреф и поехали дальше, в больницу.

В дверях Малыш крепко взял папу за руку. Хотя он был здесь второй раз, всё казалось чужим и непонятным. Он шагнул в мамину палату и чуть не ослеп от белизны стен и кроватей. А где же она сама? Вон кто-то машет ему рукой! Мама показалась Малышу маленькой и бледной, но улыбалась она во весь рот.

— Какая радость! — сказала мама. — Я уж думала, не дождусь.

Малыш обнял её крепко-крепко, а Филипп поздоровался учтиво.

— Знаете что, — заявила мама, — я тут пока лежала, обо всём думала, времени было много. Я вспоминала, сколько раз Малышу приходилось мёрзнуть на улице перед магазином, что они с Филиппом возвращаются в пустой дом, где их не ждёт обед, и как часто наш дом не выглядит уютным к приезду папы. Но теперь мы выплатили первые счета за него, да, папа?

— Да, — ответил папа, — мы молодцы.

— Нам ещё много выплачивать, — скороговоркой добавила мама, — но к этому мы сразу были готовы.

— Оставшееся я могу выплачивать из своей зарплаты, — сказал папа. — Правда, на жизнь нам будет оставаться не очень много.

— Ну и ладно, — ответила мама. — Я всё обдумала и решила, что больше не буду работать в магазине. Лучше я буду вам всем троим шить и вязать. Я могу лицевать, штопать и перешивать. А про работу я подумаю, когда Малыш подрастёт.

— Это самый лучший подарок нам на Рождество! — обрадовался папа.

— Ты ещё долго будешь тут лежать? — спросил Малыш.

— Одну недельку, — ответила мама. — Ты побудешь пока с тётушкой Заботой, как думаешь?

— Конечно, — ответил Малыш. — Лилле-Бьёрн сам меня звал.

— Мы к твоему приезду наведём дома чистоту и уют, — пообещал Филипп, — если только успеем.

— А эти конфеты ты, конечно, не будешь пока открывать? — поинтересовался Малыш.

— Буду! — засмеялась мама. — Просто я от радости всё забываю. Пожалуйста, угощайтесь.

— Они для тебя, — сказал папа.

— Спасибо, — ответила мама, — но я отказываюсь их есть, если вы не попробуете.

— Похоже, придётся нам тоже съесть, иначе маме ничего не достанется, — сказал Малыш.

Папа, Филипп и Малыш уезжали в тот день из больницы очень довольные и весёлые. Всё кругом их радовало, точно как маму. Дома они спустились в подвал и привели в порядок мамин велосипед. Он был покорёжен, но они всё выправили, выпрямили и повесили его вместе со всеми остальными ждать весны.

Малыш пошёл к прадедусшке. У него гостили Щепкин с Корнеевной и Корешком. Малыш встал под деревом и нашептал Щепкину новости. Тот послушал, послушал, а потом сказал:

— Представляете, я больше не работаю в магазине.

— И будешь всё время дома? — спросил Корешок.

— У меня много других дел, но в магазин я ходить не буду.

— Тогда Расскажи что-нибудь, — попросил Корешок.

— Хорошо. Я расскажу, как я объездил на грузовике большой мир. Всё началось с того, что мы с Малышом стояли у заправки...

Корешок слушал благоговейно, и даже Корнеевна помалкивала. Малыш взобрался на «свою» ветку. Он прижался лицом к шершавому стволу и огляделся. Сверху открывался прекрасный вид — и на дорогу, и на просеку, а если повернуть голову, то различишь и верхушку холма.

Но что это? Малышу вдруг показалось, что он видит, причём очень ясно, дым на макушке горы. Да нет, наверняка он ошибся, кто-то просто развёл костёр. Принцесса уехала и вернётся ещё нескоро.

И тут он увидел коня на лесосеке. Конь не тащил за собой ни брёвен, ни даже санок. Он был коричнево-рыжий с белой гривой, на нём верхом сидел мужчина, а перед ним — девочка с длинными светлыми волосами.

— Принцесса, — сказал Малыш.

— Что, где? — всполошился Щепкин.

— Принцесса вернулась, — сказал Малыш.

— Это никак невозможно, — ответил Щепкин.

— Теперь всё будет хорошо, — сказал Малыш. — Мама будет дома, я подружился с Лилле-Бьёрном, а теперь ещё и принцесса вернулась.

— Да, удивительно, как всё устраивается в этом мире, — задумчиво проскрипел прадедущка.

Малыш закрыл глаза. Ветка покачивалась, а Щепкин продолжал свой рассказ:

— И только когда грузовик остановился, я понял, что это не наш магазин и что я уехал далеко в большой мир.

— О-о! — восхищённо сказал Корешок. — А где этот большой мир, папа?

— Большой мир? — мечтательно переспросил Щепкин. — Он в деревне Северянка.

— Понятно, — кивнул Корешок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пропал школьник двухсот с половиной лет от роду	5
Обувная коробка	18
Щепкин заговорил высоким слогом	32
Добро пожаловать домой, сказал папа	41
Домик под кухонным столом	49
Лилле-Бьёрн	60
Малыш не идёт на работу	66
Столяр делает кровать	78
Экспедиция с тележкой	84
Разумный он парень, твой брат	95
Блуждания в темноте	107
В школе	117
Куртка Филиппа	129
Филипп и Малыш	133
Щепкин и секрет	140
В гостях у прадедушки и мамы	148

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине

ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЩЕПКИНА

Повесть

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*
Художественный редактор *П. Е. Подколзин*
Технический редактор *С. А. Грачёва*
Корректоры *Т. С. Дмитриева, Е. В. Туманова*
Компьютерная вёрстка *Н. А. Козель*

Подписано в печать 15.10.2020. Формат 84×100¹/₁₆.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,6.

Доп. тираж 3000 экз. D-VES-25235-02-R. Заказ № 6509.

Дата изготовления 22.11.2020.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».

Есть книги, которые каждому необходимо прочитать в детстве. Среди них – книги известной норвежской писательницы АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ (1920–2008). На родине её имя известно каждому, а её популярность в Европе можно сравнить только с популярностью Астрид Линдгрен. Более чем за полвека литературного творчества Вестли написала 56 книг и получила почётное звание Бабушки Всей Норвегии. Её книги переведены на многие языки и пользуются огромной популярностью во всём мире.

Четырёхлетний Малыш и его верный друг Щенкин, с которыми вы уже наверняка знакомы по другим книгам этого цикла, по-прежнему каждое утро ездят с мамой на работу в красном автобусе. Однажды они придумали игру, как будто Щенкин понарошку стал водителем грузовика. И надо же было такому случиться – Щенкин и в самом деле уехал на грузовике! И путешествие его оказалось довольно опасным...

ЕАС